

Генри Райдер Хаггард

Владычица Зари

Генри Райдер Хаггард

Владычица Зари

Хаггард Г.

Владычица Зари / Г. Хаггард —

Роман «Владычица Зари» повествует о судьбе царевны Нефрет, связанной родственными узами с династией вавилонских царей. После многочисленных приключений ей суждено было стать Объединительницей Верхнего и Нижнего Египта.

Содержание

Глава I. СОН РИМЫ	5
Глава II. ПОСЛАННИК	9
Глава III. ПОБЕГ	15
Глава IV. ХРАМ СФИНКСА	22
Глава V. ПРИНЕСЕНИЕ КЛЯТВЫ	28
Глава VI. НЕФРЕТ ПОКОРЯЕТ ПИРАМИДЫ	33
Глава VII. ЗАМЫСЕЛ ВЕЗИРА	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Генри Райдер Хаггард

Владычица Зари

*История одной любви
из времен Древнего Египта*

Глава I. СОН РИМЫ

В Египте шла война, Египет разделился надвое. На севере, в Мемфисе, в Танисе, в плодородном краю Дельты, где Нил изливается в море великим множеством рукавов, бесчинно властвовало племя, чьи предки много поколений тому назад, подобно наводнению, хлынули на Египет, разрушили его храмы, низвергли богов и завладели всеми богатствами страны. На юге, в Фивах, наследники древних царей едва удерживали власть, вновь и вновь пытаясь изгнать жестоких азиатских или бедуинских властителей, прозванных гиксосами, чьи флаги развевались над стенами северных городов Египта.

В этом потомки фараонов Древнего Египта потерпели неудачу, потому что еще не обрели силу, час их решительной победы еще не наступил и не о том наше повествование.

Царевна Нефрет, – а имя это означает Прекрасная, – впоследствии известная как Объединительница страны, была единственным дитя фиванского властителя Антефа Хеперра и его супруги, царицы Рима, дочери царя вавилонского Дитаны, который выдал ее за Хеперра, дабы придать ему новые силы в давней борьбе с гиксосами, коих звали также аати, или носители бед. Нефрет суждено было стать первым и, увы, последним плодом этого союза, ибо вскоре после ее рождения фараон Хеперра, отец ее, со всем войском, что удалось собрать, двинулся вниз по Нилу, желая сразиться с аати, направившимися навстречу ему из Таниса и Мемфиса. Они сошлись в жестокой битве, в которой Хеперра пал, а войско его потерпело поражение, но и враг понес в том сражении столь великие потери, что замысел двинуться на Фивы был оставлен и военачальники гиксосов с остатками своих войск вернулись обратно в Мемфис. И все же эта победа принесла царю гиксосов Апепи власть над Египтом. Хеперра погиб, после него остался лишь младенец женского пола, а вельможи уже спешили покориться правителю Севера.

Гиксосы, так же как и египтяне Юга, устали от войны и не желали больше сражаться. Хотя войско Хеперра и было разбито, над сторонниками его, как в северных, так и в южных землях Египта, расправы не учинили; их обложили умеренной данью и дозволили мирно поклоняться своим древним богам.

Богом гиксосов был Ваал, которого они называли теперь Сетом, ибо такое имя издавна знали в Нильской долине; цари гиксосов заново воздвигали храмы Ра и Амона, Пта, Исиды и Хатор, которые их предки, вторгшись в Египет, обратили в руины, теперь же они приносили в этих храмах жертвы, чтя чужих богов.

Лишь одного потребовал Апепи от покоренных фивийцев: вдова Хеппера, царица Рима, и малолетняя Нефрет, дочь ее и законная наследница престола Верхнего Египта, должны быть выданы ему; получив весть об этом, Рима вместе с дочерью скрылась, о чем и пойдет далее наш рассказ.

О рождении царевны Нефрет ходили диковинные толки. Сразу после того, как эта прелестная белокожая девочка с серыми глазами и темными волосами явилась на свет, ее, исполнив положенный при рождении обряд, положили к груди матери. Рима взглянула на малютку, затем ее показали отцу, и царица слабым голосом, – ибо измучилась, роды истомили ее, –

попросила оставить ее одну; лекари и служанки исполнили ее волю, удалились за полог, отделявший постель роженицы от другой части покоев, где и пребывали в безмолвии.

Спустилась ночь, комната погрузилась во тьму. Неожиданно одна из бодрствующих женщин, – жрица богини Хатор по имени Кемма, которая с рождения вырастила царя Хеперра и теперь готовилась исполнить сей долг в отношении его дитя, заметила свет, проникавший сквозь занавес. Встревожившись, она заглянула в щель между его полотнищами. И что же она увидела?

Возле постели царицы, которая, как видно, спала, стояли две прекрасные женщины, от одежды и от них исходило сияние, а глаза светились, подобно звездам. Царицы, не иначе, подумала Кемма, ибо короны на их головах сверкали такими драгоценностями, какие впору носить только особам царского достоинства. Одна из них держала в руке золотой крест жизни, другая – систр, инструмент в виде округлой рамки с золотыми проволочками, на которые нанизаны были драгоценные камни; на систрах играли в храмах, когда жрицы проходили перед изваяниями богов.

Вид этих двух величавых женщин привел Кемму в трепет и лишил дара речи, она слова не могла вымолвить, чтобы разбудить остальных; тем временем женщина с крестом жизни склонилась над спящей царицей, за ней вторая, державшая систр; они что-то прошептали на ухо Рима. Затем женщина со знаком жизни бережно подняла новорожденную от груди матери, поцеловала и приложила крест к ее губам. Совершив это, она передала девочку второй богине, – теперь уже Кемма была уверена, что видит перед собою богинь, – и та, прежде чем снова положить малютку к матери, тоже поцеловала ее и встряхнула над ее головкой систром, издавшим легкий звон.

В следующее мгновение обе фигуры исчезли, и в комнате, – озаренной только что светом, сгустилась черная ночь: Кемма же, наблюдавшая все это, от ужаса лишилась чувств и оставалась в беспамятстве до самого восхода солнца.

Утром Кемма не решилась первой заговорить о видении, ибо сочла его божественным и вещим; сомнения охватили ее: не привиделось ли ей все это во сне и не назовут ли речи ее пустословием, где божественные имена поминаются всуе? Но, пробудившись, царица сразу же призвала супруга и поведала ему о странном видении, пригрезившемся ей ночью.

– Когда, ослабев от боли, я погрузилась в сон, – начала она свой рассказ, – явились предо мной две прекрасные женщины в одеяниях и с символами египетских богинь. Одна из них, с крестом жизни в руке, так обратилась ко мне, спящей: «О дочь Вавилона, царица Египта и мать наследницы трона его, внемли нам. Мы, как ведомо тебе, Исида и Хатор, древние богини Египта; с недавних пор, поселившись на земле этой, ты чтишь нас в храмах и возлагаешь жертвы на алтари наши. Не страшись нас; хотя вырастили тебя в поклонении иным богам, мы явились, чтобы благословить дитя, рожденное тобою. Знай, царица, великие беды ожидают тебя, жестокая утрата оставит тебя одинокой, и даже мы, столь могущественные, не в силах избавить тебя от того, что написано в Книге судеб и суждено тебе. Не можем мы сейчас даже на короткое время, хотя смертным оно покажется нескончаемо долгим, освободить Египет от пут, которыми гиксосы связали его, подобно тому как они перед закланьем вяжут ноги своим овцам; но час придет, Египет сбросит с себя узы, подобно быку, что рвет опутывающую его сеть, и станет еще более могучим, чем прежде. Как всякое живое существо страдает за грехи свои, так и Египту надлежит пройти через тяжкие испытания за то, что не хранил себя в чистоте веры, не внял предостережениям богов. Но всему на свете приходит конец, беды пронесутся над Египтом, подобно облакам, и яркая звезда его славы воссияет на чистом небосклоне».

И отвечала я этому видению или богине:

– О небесное Божество, сколь горькие слова ты обращаешь ко мне! Я и впрямь чужая в Египте, я – всего лишь жена одного из царей, царевна иной страны. Египет должен снести

судьбу, которую он уготовил себе, однако же я, смертная женщина, хотела бы узнать судьбу своего господина, которого люблю, и дочери, нам дарованной.

– Господину твоему выпала достойная судьба, его ждут слава и честь, – сказала богиня, державшая символ жизни, – судьба твоей дочери со временем повернется к счастью и радости.

После этих слов она нагнулась, подняла девочку и поцеловала ее, произнеся такие слова: «Да прибудет с тобой благословение Матери Исиды. Сила Исиды да будет твоей силой, мудрость Исиды – твоей путеводной звездой. Не страшись! О царственное дитя, не будь малодушной, ибо Исида всегда рядом с тобою, и сколь ни велики опасности, подстерегающие тебя, горе обойдет тебя стороной. Долгой будет жизнь твоя, а под конец и безмятежной; суждено тебе увидеть внуков, играющих у ног твоих. Пусть и не надолго соединишь ты то, что разрознено, имя тебе будет – Объединительница Земель. Вот дары, что Исида подносит тебе, о владычица Египта».

– Так рекла богиня, держа младенца в своих излучающих сияние руках, а затем передала нашу дочь сестре своей, что стояла подле нее. Та приняла девочку, поцеловала ее в лобик и сказала: «Внемли! Я, Хатор, богиня Любви и Красоты, дарую тебе, царевна Египта, все, что положено тебе. Прекраснейшей будешь ты душой и телом. Будешь ты любима беспредельно, а своей любовью облегчишь участь миллионов людей. Не сворачивая ни вправо, ни влево, не прибегая к коварству и уловкам, следуй звезде Хатор и зову собственного сердца, радостно принимая дары Хатор, остальное же вверяй Небесам, которые зрят то, что не зришь ты, и доведут до конца то, что не осилишь ты. О царское дитя, ты посеешь счастье, на земле египетской, а урожай душа твоя соберет в Небесах».

– Так, грезилося мне, говорили богини; а затем, увы, они удалились.

Выслушав рассказ, царь Хеперра попытался истолковать его.

– Несомненно, то был сон, – произнес он, улынувшись, – но сон счастливый, ибо предвещает счастье дочери нашей; как видно, она вырастет прекрасной и мудрой, расцветет цветом истинной любви и станет объединительницей Египта. Что больше можем мы желать ей?

– Это так, господин мой, – с печалью ответили Римма, – ребенку сон предвещает благо, но боюсь, что всем другим – горе.

– Даже если и так, что из того, жена моя? Колос должен пасть прежде, чем взойдет новый росток, и в каждом посеве есть и пшеница, и плевелы. Такой закон, которому все живое должно покориться. Не печалься над тем, что пригрезилось тебе, ибо это возникло из боли и тьмы. Однако я должен идти, меня призывают, войско вскоре выступит против гиксосов, чтобы победить их.

Хеперра предпочел не сказать супруге, что подумал об услышанном; он отправился к верховным жрецам Исиды и Хатор и повторил им рассказ ее слово в слово. Жрецы опросили множество людей, желая понять, видел ли еще кто-нибудь чудесное явление в покоях царицы; так им удалось узнать о видении, бывшем Кемме, ибо той полагалось ничего не скрывать от них.

Священнослужители были и удивлены и обрадованы происшедшим, ибо подобного чуда, как говорили, в Египте не случалось уже много поколений. Более того, жрецы приказали подробно записать на трех свитках сон царицы и видение Кеммы; подобно свидетельницам в суде, им надлежало скрепить изложенное своими подписями; один свиток передали царице, чтоб она хранила его для царевны Нефрет, а другие поместили в хранилища храмов Исиды и Хатор. Но часть сна, которая предвещала горькие потери и беды, что, к несчастью, должны пасть на царицу, внушили ужас обоим женщинам и прорицателям, у которых они испрашивали совета.

– Что за утраты могут постигнуть царицу, – размышляли они, – если ее дитя обещано счастье и процветание и лишь царю, супругу Риммы, они не обещаны? Может быть, царица произведет на свет других детей, которых небеса отберут у нее?

О своих страхах жрецы не поведали ничего, лишь оповестили о том, что Исида и Хатор явились и благословили новорожденную царевну Египта. Однако зловещие предсказания вскоре сбылись – царь Хеперра начал войну, а два месяца спустя пришла ужасная весть о его гибели; хоть и храбро сражался царь впереди своих воинов, но погибло их слишком много: не побежденное, но обессиленное и лишенное полководца войско не могло возобновить битву, а потому начало отходить к Фивам.

Казалось, сердце сказало об этом царице Рима прежде, чем дошла весть. Выслушав гонца, она объявила:

– Случилось то, что предрекали мне великие богини Египта; придет время, неизбежно сбудутся и другие их пророчества.

Следуя вавилонским обычаям, царица с младенцем удалилась в свои покои и много дней оплакивала супруга, никто, кроме Кеммы, которая ухаживала за девочкой, не смел ее беспокоить.

Но вот армия вошла в Фивы; воины несли поспешно набальзамированное прямо на поле битвы тело фараона Хеперра. Царица повелела сдвинуть погребальные пелены и последний раз взглянула в лицо своего повелителя, почти неузнаваемое из-за покрывавших его ран.

– Боги призвали его, он умер достойно. Сердце говорит мне: он пролил кровь свою, но в грядущем свою кровь прольет и тот, от чьей руки пал мой супруг!

Слова эти дошли до Апепи, а потому всю дальнейшую жизнь свою он провел в страхе, ибо дух его, равно как и прорицатели, у которых он искал совета, ответил ему, что то было внушение бога мести. Когда Апепи вспомнил, что царица Рима происходит из царского дома Вавилона, его обуял еще больший страх – предки его некогда подчинялись вавилонянам и они считали их самыми мудрыми людьми на свете. Оттого не удивился и поверил он рассказу о видении Римы в ночь, когда у нее родился младенец, хотя и было ему странно, что богини Египта появились перед вавилонянкой.

– Если объединятся Вавилон с Египтом, что ожидает нас, царей кочевых племен, которые оседлали протоки низовья Нила? Похоже, мы, точно зерно, окажемся между жерновами: нас смелят в муку, – с такими словами обратился Апепи к своим советникам.

– Жернова те мелют неспешно, да и мука – это ведь хлеб всех народов, о царь, – отвечал старший из них. – Разве видение супруги покойного Хеперра, если нам не лгут, не вещает о том, что пройдет много лет, прежде чем египтяне сокрушат нашу власть; разве не явлено в том видении, что лишь царевна Египта, рожденная от фараона Хеперра и вавилонянки, станет Объединительницей Земель? О царь, привези сюда овдовевшую вавилонянку и дочь ее, наследницу престола царского; все надо делать вовремя.

– К чему мне теперь пребывание в собственном доме той, кто по внушению вавилонских демонов предрекла мою гибель? Не убить ли и ее, и младенца вместе с ней, чтоб кончить все разом? – спросил Апепи.

– О царь, – возразил старейший из мудрецов, – не делай этого, ибо мертвые могущественнее живых, и дух сей царской особы может оказаться сильнее, нежели она сама живая. Более того, если предсказание египетских богинь истинно, дитя убить невозможно. Сделай их своими пленниками, о царь; не спускай с них глаз, дабы они не побудили вдруг грозный Вавилон и другие государства пойти против тебя.

– Ты рек истину, – промолвил Апепи. – Так и следует поступить. Пусть Риму, вдову царя Хеперра, и дочь ее Нефрет, царевну Верхнего Египта, доставят к моему двору, если даже понадобится большое войско, чтобы захватить их. Но сначала миром и посулами постарайтесь склонить ее прибыть сюда по доброй воле, приложите все усердие, а если ничего из этого не получится, подкупите фивейцев, чтоб царицу и младенца выдали мне.

Глава II. ПОСЛАННИК

Вскоре царица Рима узнала от своих лазутчиков, что царь гиксосов Апепи вознамерился ее с дочерью сделать своими пленницами. Удостоверившись в том, что все это правда, царица созвала сановников, оставшихся еще в Верхнем Египте, и высших жрецов, желая испросить совета, как следует ей поступить.

– Подумайте, – обратилась она к ним, – я вдова. Мой и ваш повелитель погиб, храбро сражаясь против рати Севера, и оставил наследницей трона это царственное дитя. Когда стало известно, что царя нет более в живых, войско повернуло назад, на Фивы, потому гиксосы и провозгласили свою победу. Ныне донесли мне, что они замыслили: меня, супругу вашего покойного повелителя царя Хеперра, и дочь – законную наследницу престола Древнего Египта, Апепи требует выдать ему, в противном случае он грозит послать войско, дабы силой завладеть нами. Что думаете об этом вы, мои приближенные? Намерены ли вы защищать нас от Апепи?

Ответы последовали разные. Из них следовало, что народ более воевать не станет, ибо царь гиксосов пообещал больше, чем можно было надеяться добыть в битве, а после стольких кровопролитных сражений все мечтали о мире, пусть при этом назовет себя фараоном Египта не самый достойный.

– Вижу, что ни мне, ни царевне нечего ждать от вас, господа, хотя ради вашего блага супруг мой и отец ее отдал жизнь, – тихо промолвила Рима, – а что скажут жрецы богов, которых чтит царь Хеперра?

Жрецы отвечали уклончиво: кто-то из них призвал положиться на волю Небес; другой высказал предположение, что царица с царевной будут в большей безопасности при дворе Апепи, который поклялся оказывать им должное почтение; третий – что следует искать убежище у могучего царя вавилонского, отца царицы.

Когда все смолкли, Рима произнесла с горькой усмешкой:

– Наверное, золото, что метнул царь гиксосов, пролетев много миль, без промаха попадет в сокровищницы ваших храмов. Спрошу вас прямо: поможете вы мне с царевной избежать рабства или нет? Если не выдадите меня, я до конца пребуду с вами; клянусь, подобным образом поступит и дочь моя, когда войдет в разум. Но если вы отрекаетесь от нас, мы тоже порываем всякую связь с вами; ступайте своим путем, а мы пойдем своим – в Вавилон или еще куда-нибудь, но только не в покои царя гиксосов, которые станут нашей тюрьмой, царевну же там, несомненно, лишат жизни, чтобы престол Египта остался без законного наследника. Прошу вас обдумать все это. Я удалюсь, – говорите откровенно. Но через час, в полдень, вернусь чтоб выслушать ваше решение.

Она поклонилась жрецам и вельможам, в ответ все согнулись в глубоком поклоне, и царица вышла.

В назначенный час, сопровождаемая Кеммой, которая несла на руках маленькую царевну, Рима через боковой проход, по которому она недавно удалилась, снова вошла в зал Совета.

Но зал был пуст. Сановники и жрецы покинули его, все до одного.

– Похоже, мне предстоит одиночество, – сказала царица Рима. – Что ж, такая судьба часто выпадает на долю тех, кого преследуют беды.

– Не говори так, царица, – отвечала Кемма, – царственное дитя, наследница трона, мы – по-прежнему с тобой. На спинках этих пустых кресел я вижу изображение богов Египта; в свой час они станут нам лучшими советниками, чем те, кто бросил нас в горестный миг. Обратим сердца свои к ним и положимся на их мудрость.

Обе женщины присели, тревожно вглядываясь в изображения божеств, видневшиеся на стенах и мебели каждая молилась на свой лад, прося помощи и наставления.

Наконец, подняв голову, Кемма спросила:

– Снизшло ли на тебя, царица, озарение:

– Нет, – отозвалась Рима, – тьма вокруг. Одно лишь внушили мне боги: если мы остаемся тут, лживые сановники и жрецы непременно схватят нас и выдадут Апеви; я думаю, их подкупили. А что сказали боги тебе, Кемма?

– Госпожа, мне почудилось, будто царицы Неба, покровительницы этого царственного дитя, – Исида и Хатор, которым я служу, – прошептали мне: «Бегите, бегите скорее, и подальше!»

– Ах, Кемма, куда нам бежать? Где царице Юга и маленькой дочери ее, царевне Египта, скрыться от соглядатаев Апеви? Не в этих же местах; здесь всякий, будучи в страхе или подкуплен, предаст нас.

– Нет, госпожа, не на Юге, – на Севере, где никто не подумает нас искать, ибо лев не ждет антилопу близ собственного логовища. Слушай же, царица. Есть один благочестивый старец по имени Рои, брат моего деда; он происходит от древней ветви рода фиванских царей. Девочкой я часто навещала его; по милости богов он сделался пророком тайного Братства, названного Общиной Зари, а обосновалось оно близ пирамид Мемфиса. Он сам и собратья его обладают большой властью, живя там уж лет тридцать или более; никто не дерзает теперь приблизиться к пирамидам, и менее всего – гиксосы: им известно, что там являются призраки.

– Призраки? – встрепенулась Рима.

– Идет молва, будто там иногда появляется прекрасная женщина с обнаженной грудью; быть может, это Ка одной из тех, кто погребен в тех местах, где живет мой родич, либо это призрак из мира мертвых, либо дух самого Египта, принявшего женский облик, – неизвестно. Но когда опускается ночь, ни один храбрец не отважится подойти к тем древним пирамидам.

– Почему же? С каких пор мужчины стали страшиться красивой женщины, обнажившей грудь?

– Потому, царица, что, увидя ее красоту, они лишаются разума и бродят в пустыне, пока не погибнут. А если кто-нибудь последует за ней на вершину самой большой пирамиды, то падает и разбивается насмерть.

– Ах, пустые это сказки, Кемма. К чему ты все это мне говоришь?

– Госпожа, мы могли бы добраться до тех усыпальниц и жить в безопасности у моего родича, пророка Рои. Никто не смеет даже приблизиться к гробницам, лишь изредка забредает какой-нибудь юный глупец, жаждущий увидеть прекрасную тень, но встречает смерть или, взглянув на красавицу, теряет разум. Даже жители пустыни, дикие бедуины, ставят свои шатры не ближе чем в миле, а то и дальше от пирамид; цари гиксосов и подданные их считают это место проклятым: там нашли смерть двое их царевичей; за все золото Сирии никто не решится отправиться к тем пирамидам. Страшятся они и колдовских чар, какими владеют члены Братства, ибо оно под защитой духов и поклялось не наносить никакого урона гробницам и пирамидам. Такова легенда, и рассказываю я тебе лишь то, о чем сама слыхала, хотя, наверное, очень многого и не знаю.

– Похоже, там мы сможем хоть немного передохнуть, – оживилась Рима, – во всяком случае, до поры, пока мы не устроим побег в Вавилон, где мой отец, конечно же, с радостью примет нас. Но как попасть туда, с младенцем на руках, когда вдоль границ идут сражения, а воспользоваться путем через Аравийскую пустыню мы не в силах? Однако можем ли мы быть уверенными, Кемма, что твой родич окажет нам милость и оставит у себя? А если и оставит, как нам добраться туда?

– Первый вопрос твой, царица, разрешить просто. Как ни покажется это странным, но как раз сегодня я получила послание от благочестивого Рои. Шкипер судна, что везло зерно из Мемфиса в Фивы, доставил мне его. Этот шкипер сказал, что зовут его Тау.

– Где ты встретила его и что он сказал, Кемма?

– Прошлой ночью, царица, мучимая страхом за тебя и девочку, не могла я заснуть; еще до рассвета я поднялась и вышла в дворцовый сад, чтобы встретить восход солнца и вознести молитвы богу Ра, когда он явит свой лик в небесах. Туман стал редеть, и увидела я, что не одна там, ибо неподалеку стоял рослый человек, похожий на матроса, – так он был одет; прислонясь к стволу пальмы, он глядел на Нил, там неподалеку от берега виднелось торговое судно. Человек этот обратился ко мне и сказал, что ждет, пока рассеется туман и подымет ветер, тогда корабль двинется к гавани, куда должен доставить свой груз.

На мой вопрос, откуда он, матрос тот отвечал, что с разрешения правителя белостенного Мемфиса и градоначальника Фив ведет он торговлю между двумя этими городами. Пожелав ему благой судьбы, я собралась уже уйти, чтоб сотворить свою молитву где-нибудь в другом месте, но он сказал: «Прошу тебя, помолимся вместе; мое имя Тау, я тоже поклоняюсь богу Ра; вон, гляди, и сам он явился». И он подал мне знак, который я, будучи жрицей, поняла.

Когда мы кончили молиться и я снова собралась уходить, Тау спросил у меня, что нового в Фивах и правда ли, будто царица Рима скончалась от горя, потеряв супруга, погибшего в битве, или даже, как говорят некоторые, убита вместе с младенцем. Я уверила его, что все это ложь, чем, как мне показалось, он был несказанно обрадован; вознес благодарение богам, он добавил, что законной наследницей трона Египта – и Нижнего, и Верхнего, – несомненно, стала царица Нефрет. Я удивилась, откуда знает он это имя. «Один ученый человек, – отвечал он, – открыл мне его, тот благочестивый отшельник, кому признаюсь я в своих прегрешениях – которых, увы, не счесть; отшельник этот живет в пустыне близ великих пирамид, среди гробниц. За царственным младенцем, сказал он мне, ходит его родственница, по имени Кемма, – она также из знатной семьи. Если удастся мне разыскать ее в Фивах, должен я передать ей то, что не решился бы доверить письму».

Тут шкипер Тау смолк и пристально посмотрел на меня; я спокойно встретила его взгляд, размышляя, не расставляет ли он ловушку для меня.

– «Тау, – сказала я, – если это послание передашь ты другой женщине, беды не миновать. В Фивах многие носят имя Кемма. Как узнаешь ты, что нашел ту, кто нужен тебе, и действительно ли женщина, на которую тебе указали, ухаживает за царевной?»

«Не так это трудно, как кажется, госпожа. Благочестивый старец вручил мне половину лазуритового амулета, на котором вырезаны слова заклинания или молитвы. Он пояснил мне, что там написано: «Пусть вечно живущий Ра защитит обладателя сей святыни в последнюю ночь его. Пусть тот, кого она хранит, ступит в ладью Ра, и...» – тут надпись обрывается, – продолжал шкипер, – но госпожа Кемма, добавил старец, знает ее до конца». – И Тау вновь взглянул на меня.

«А не так ли продолжается надпись на амулете, – спросила я, – «и пусть бог тот благополучно доставит тебя к Осирису, а он усадит того, кто находится под защитой богов, за свой стол и пребудет он с ним на пиру вечно»?»

«Да, – отвечал Тау, – мне кажется, все это так или почти так, как говорил благочестивый отшельник. Память у меня слаба, – я не доверяю ей, особенно если речь идет о молитвах или божественных писаниях. Но если и тебе, незнакомка, магические слова известны до конца, похоже, вещь эта ничего не значит, ибо такую носят тысячи людей от Фив до моря. Та, кого я должен найти, не только знает заклинанье, у нее вторая половина талисмана; да как сыскать ту женщину, ума не приложу. Не возьмешься ли ты помочь?»

«Может быть, и возьмусь, – отвечала я. – Покажи-ка мне амулет, Тау». Шкипер оглянулся, чтобы удостовериться, одни ли мы. Затем сунул руку под одежды и вытащил половинку

старинной пекторали, покрытой резной надписью; прикрепленная к шнурку, сплетенному из женских волос, она висела у него на шее. Каменная плитка была сломана или распилена посередине, край ее получился неровным, с выступами и впадинами. Едва взглянув на нее, я сразу поняла, что именно ее вторую половину много лет назад отшельник Рои и еще один родственник дали мне, велев прислать ее, как только мне понадобится их помощь. Вынув вторую часть пекторали, висевшую у меня на груди, я приложила ее к той, что держал Тау. И – о, боги! – они слились воедино; твердый камень совсем не стерся за это время.

Тау глянул на талисман и кивнул. «Странно, что я так случайно повстречал тебя, Кемма. Удивительно! Однако боги знают свое дело, нам ли печься о таких чудесных совпадениях? Но, как знать, быть может, существует еще одна половинка, что подойдет к первой, данной мне? Прежде чем мы поведем разговор дальше, Расскажи мне о том, кто дал тебе часть талисмана; где он обретается и все прочее, что тебе известно.

«Его зовут Рои, – отвечала я, – а прежде звали Рои, сын царя, хотя царь тот скончался много лет тому назад; теперь он, как и ты сказал, близ пирамид в большой Общине. Он священнослужитель, пророк, облик его прекрасен, а речь мягка; у него длинная борода и седые волосы. В темноте он видит, подобно кошке, ибо долгие годы провел в подземном храме; колени его сделались тверже подошв странника, оттого что вечно, коленапреклоненный, творит он молитвы. Оставшись же один, он подолгу совещается со своим двойником Ка, пребывающим неотступно рядом; порой вопрошает он и других духов, сообщающих ему обо всем, что происходит в Египте.

Таков был он много лет тому назад; таким был и нрав его в ту пору, когда передал он мне эту половину амулета; что же сейчас делается там, мне неизвестно».

«Да, госпожа, слова твои звучат правдиво. Довольно правдиво, хотя ныне уж немного волос сохранилось на голове благочестивого Рои; худ стал он чрезмерно, теперь не назовешь его красивым, обличьем своим напоминает он теперь старого ястреба, едва живого от голода. Но сомнений нет: мы с тобой говорим об одном человеке, и амулет, части которого мы соединили воедино, служит тому подтверждением. Так вот кого, госпожа, я встретил случайно, – совсем случайно! – ожидая на том самом месте, что указал мне благочестивый Рои. Слушай же его посланье».

И тут, царица, весь облик шкипера преобразился: предо мною стоял уже не простой, беззаботный человек, а тот, чьи слова скрывали горечь; движения его стали резкими и стремительными. Улыбка и мягкое выражение сошли с его лица, внезапно властность и нетерпение отразились на нем; теперь это было лицо человека, которому предстояло исполнить нелегкое дело, от коего зависела его честь.

«Слушай меня, воспитательница царского дитя, – начал он. – Царь, кого ты некогда держала на коленях, лежит в могиле, сраженный копьями гиксосов. Хотела бы ты увидеть, как девочка, которой он даровал жизнь, и женщина, родившая ее, последуют той же дорогой?»

«Вопрос звучит нелепо, Тау, – ответила я, – в какую бы сторону ни направили они свои стопы, туда я и буду сопровождать их».

«Я знал, что даже ради собственного спасения ты не оставишь их. Но опасность велика. Вас сговорились схватить, всех трех; благочестивому Рои было сообщено об этом. Предатели, участники заговора – здесь, в городе. Быть может, завтра или через день они объявят царице, что ей грозит беда и что они хотят укрыть ее в надежном месте. Поверит она им, так скоро убедится, – коли доживет, – что у Апепи нет места надежнее тюрьмы в Танисе; ну а потом, поняла ты?.. Не поверит, ее с младенцем силой доставят к гиксосам».

Я кивнула согласно: «По всему видно, время не ждет. Что же ты посоветуешь сделать, о посланец Рои?»

«Сейчас я отправлюсь в город и передам груз купцам, что ожидают его. На барке есть беглецы из Сиута, крестьяне, спасающиеся от гиксосов. Их трое: женщина средних лет. Лицом

и фигурой напоминающая тебя, Кемма, – я выдаю ее за сестру; а красивая молодая женщина с девочкой месяцев трех от роду именуется моей женой. Так я скажу о них чиновникам по прибытии к причалу. Женщины эти не станут задавать вопросов. Легко найдут они здесь новых друзей, покинув барку, их места освободятся. Ты понимаешь меня, Кемма?»

«Если я правильно тебя поняла, ты предлагаешь царице с малюткой и мне занять места этих женщин? Но когда и как?»

«Мне сказали, Кемма, что сегодня вечером в городе начнется праздник бога Нила; чувствуя его, сотни людей выплывут в лодках на середину реки, держа факелы и распевая благодарственные гимны. Чтобы не столкнуться с ними, я намерен привести барку назад, в эту гавань, – мне ведь еще до восхода предстоит отправиться вниз по реке, как только подует южный ветер. Быть может, я случайно увижу двух крестьянок вместе с малюткой тут, среди пальм, за час до явления бога Ра?»

«Возможно, господин. Только скажи, где окончится путешествие, если все произойдет так?»

«Под сенью Великих Пирамид, госпожа, где благочестивый человек, имя которого нам известно, ожидает вас; хотя, как он говорит, жилище его бедно, но там вы будете в безопасности».

«И я думала о том же, Тау. Но побег таит в себе большую опасность; да и не ловушка ли это? Как мне удостовериться, не подкуплен ли ты гиксосами либо фиванскими изменниками, не послан ли, чтобы обречь нас на гибель?»

«Мудрый вопрос, – отвечал он. – Но тебе передано послание, амулет служит порукой верности его, и вот моя клятва священным именем, что я приношу; нарушив ее, я обреку себя на вечные муки. Все же вопрос твой мудр, ибо опасность очень велика, и, клянусь богами, я не знаю, как ответить иначе!»

Мы постояли так некоторое время, глядя друг на друга; сердце мое наполнилось сомнением и страхом. Если мы окажемся во власти этого человека, что приключится с нами? Или, скорее, с тобой, царица, и царственным младенцем, так как о себе я всегда заботилась мало.

– Я знаю, милая Кемма, – отвечала Рима. – Но вернемся к твоему рассказу. Что же последовало далее?

– Так вот, царица. Вдруг мне показалось, что Тау чем-то встревожен.

«Тут пустынно и покойно, – сказал он, – и все же мне кажется, что за нами следят».

От берега, царица, нас отделяла единственная пальма, и стоит она на открытом месте, за ней мы укрылись, когда завели разговор, ибо так нас было не видно с реки и я знала, что никто не сможет подслушать наш разговор. Слева, неподалеку, находится старая часовня, на крыше которой высится полуразрушенное изваяние какого-то бога; говорят, что часовня эта некогда служила входом в ныне исчезнувший храм; ты не раз бывала в этой часовне, царица.

– Я знаю ее, Кемма.

– Утренний туман наполовину застилал часовню; но Тау, хотя она все же стоит в отдалении, почему-то пристально вглядывался в нее; и вдруг туман исчез, будто подняли тонкое покрывало: взглянув туда же, куда смотрел шкипер, я заметила, что часовня отнюдь не пуста. Там, царица, будто погрузившись в молитву, стоял на коленях старец. Он поднял голову, и свет упал на его лицо. Боги! Это был сам благочестивый Рои, мой родич; он несколько изменился с тех пор, как я видела его, когда он отдал мне обломок амулета, но я не сомневалась – сам Рои оказался в часовне.

«Похоже, госпожа Кемма, здесь тоже есть отшельник, как и в краю пирамид, – сказал Тау, – и, мне кажется, я его узнаю. Да не благочестивый ли это Рои, госпожа Кемма?»

«Он и никто другой, – сказала я. – Почему ты не открыл мне, что привез Рои на своем корабле? Мне не пришлось бы мучиться сомнениями. Я поговорю с ним немедленно».

«Да, побеседуй с ним, госпожа Кемма, успокой свое сердце, и тебе станет ясно, верный я человек или нет».

Я быстрым шагом пошла к часовне. Она была пуста! Благочестивый Рои исчез, хотя, кажется, там не было уголка, где он смог бы укрыться.

«Деяния отшельников и святых непостижимы для нас, госпожа Кемма, – промолвил Тау. – И разве ты не знаешь, что из всех людей только они, вернее, некоторые из них, могут пребывать одновременно в разных местах. А теперь скажи мне, встречу ли я вас сегодня вечером у этой часовни?»

«Да, – отвечала я, – думаю, ты найдешь нас здесь. Конечно, если царица даст согласие и ничто нас не задержит – ни смерть, ни пути. Но постой! Где взять нам одеяния крестьянок? Во дворце ничего подобного нет; а послать кого-то, чтобы купить, – это может вызвать подозренье: ведь с царицы не спускают глаз».

«Благочестивый Рои предусмотрителен, – отвечал Тау, улыбнувшись, – а может быть, и я тоже; не важно, кто из нас».

Он шагнул на то место, где я поначалу заметила его, и вытащил из-за камня какой-то сверток.

«Возьми вот это, – сказал он. Здесь все, что надо; одежды чистые, хотя и простые, обрядить в них безопасно даже царское дитя. Прощай, госпожа, туман рассеялся, я должен идти. Дух благочестивого Рои да будет рядом не только со мной: умея находиться одновременно в разных местах, он поведет и охранит и вас также, можешь в этом не сомневаться. Завтра за час, нет, за два часа до рассвета я вернусь сюда, чтобы встретить свою сестру и жену с младенцем».

Затем он исчез, а я в глубоком раздумье вернулась во дворец. Я решила ничего не говорить тебе, царица, покуда не узнаю, что боги ответили на твои молитвы сегодня.

– Ты посмотрела, что в свертке? – спросила царица.

– Да, – отвечала Кемма, – в нем все, о чем говорил Тау: два плаща и другие одежды, что обычно носят крестьянки, отправляясь в дорогу. Они будут впору тебе и мне, а для крошки припасена теплая одежда.

– Дай взглянуть, – промолвила царица.

Глава III. ПОБЕГ

Они расположились в личных покоях дворца. Воины охраняли внешние врата; им полагось стоять на страже, ибо признанные знаки царской власти еще окружали царицу Риму; около дверей, ведущих в ее покои, стоял великан-нубиец Ру, который прежде служил телохранителем царя Хеперра; это он, зарубив боевым топором шестерых гиксосов, вынес тело своего владыки с поля сражения, перекинув через плечо, подобно тому как гиксосы носят зарезанного барашка.

Царица и Кемма осмотрели одежду, которую доставил им посланец Тау, и надежно спрятали. У люльки, где спала маленькая царевна, женщины принялись обсуждать свое положение.

– Твоя затея очень опасна, – сказала царица. Она в беспокойстве ходила взад-вперед, бросая то и дело тревожные взгляды на спящую дочь. – Ты умоляешь меня бежать в Мемфис, а это все равно что броситься в пасть гиене. Ты склонна поступить так потому лишь, что прибыл посланец твоего родича – отшельника, верховного жреца или пророка какой-то тайной Общины, но, может быть, он давным-давно умер, а его именем пользуются как приманкой на крючке, чтобы изловить нас.

– Но амулет, царица! Взгляни, как плотно прилегает один его скол к другому, как сливаются концы белой прожилки на камне, проходя от одного края до другого.

– Сомнения нет, половинки твоего амулета соединились. Сомнений нет и в том, что они составляют единое целое. Но подобные священные предметы – не тайна, о них много кому известно. Возможно, кто-то прознал, что Рои отдал тебе половинку талисмана и выкрал вторую часть его, чтобы обмануть тебя, предложив тайное убежище среди гробниц. Кто этот Тау, о котором прежде ты и слыхом не слыхивала? Как удалось ему так легко разыскать тебя? Отчего вправе он появляться здесь и покидать Фивы без допроса – он, кто прибыл из Мемфиса, а значит, держит все нити заговора в своих руках, если таковой существует?

– Не знаю, кто он, – отвечала Кемма. – Я знаю лишь одно: когда те же сомнения мелькнули у меня, Тау явил мне самого Рои, чтоб доказать истинность своих слов; и тогда только я поверила ему.

– Ах, Кемма, разве сама ты, подобно своему родичу, не жрица, с детства посвященная во все тайны и волшебства Египта? Разве не привиделись тебе богини Исида и Хатор, благословившие мое дитя? Ведь о таких чудесах мы знаем лишь из старинных преданий, что рассказывают об особах царского рода. Почему никто более не видел этих богинь?

– Почему же они привиделись и тебе? – сдержанно спросила Кемма.

– Сон есть сон. Зачем придавать смысл тому, что спокон веков прилетает и исчезает, когда мы спим, роясь вокруг, подобно мошкаре, готовой исчезнуть во тьме, откуда явилась? Не надо искать в нем знамений; то же, что видело недремлющее око, – совсем другое дело: это либо нечто, возникающее от безумия, либо – сама явь. Теперь же тебя посетило еще одно видение – ты узрела старца, который, – если даже он жив, – находится далеко; и на этом зыбком облаке ты склоняешь меня найти надежное пристанище. Как поверить, что ты не потеряла разум, когда мудрецы моей страны полагают, что большинство из нас утратило его. Ты зришь богов, но существуют ли они? А если да, то чем египетские боги отличны от вавилонских, а те – от богов Тира? Если боги существуют, почему они все разные?

– Оттого, что все люди разные, царица, и каждый народ облачает богов в свои одеяния; ведь даже мужчины и женщины одеты по-разному.

– Может быть, может быть! Но слова незнакомца и видение – не слишком ли этого мало, когда сама жизнь брошена на чашу весов, да и корона Египта. Не могу я с ребенком ввериться этому человеку, иначе мы обе вскоре ляжем на дно реки или окажемся в одной из темниц гиксосов. Лучше остаться нам здесь, ваши боги защитят нас. Здесь не менее надежно, чем

подле пирамид Мемфиса, да еще хорошо, если мы доберемся туда живыми. А если нам велено отправиться в путь, да пошлют боги какой-то знак; у них еще есть время спуститься с Небес.

Так говорила царица Рима, терзаемая сомнениями и отчаянием. Кемма, не решаясь возражать, согласно кивала головой.

– Пусть будет так, как угодно царице, – наконец сказала она. – Когда боги пожелают, они укажут нам путь к спасению. Если же они безучастны к нашей судьбе, стоит ли нам куда-то стремиться – все равно будет так, как захотят боги. А теперь госпожа, не время ли нам подкрепиться и отдохнуть, однако спать мы не станем, покуда не минует тот час, когда нам указано подняться на корабль Тау.

Они отужинали, затем взяв светильник, Кемма обошла весь дворец: странная тишина поселилась здесь. Казалось, все покинули его, один лишь старый немощный раб повстречался Кемме, он объяснил ей, что люди ушли на праздник бога Нила, кататься на лодках.

– Да нешто в прежние годы могло случиться такое? – проворчал он. – Кто это слыхивал, чтобы те, кому положено охранять Ее Величество, покинули дворец и знай себе веселятся где-то? Но с той поры, как благой бог Хеперра убит в сражении собаками гиксосами, похоже, все переменялось. Никто не помышляет о службе; все думают только о себе и о том, чтобы урвать побольше. А деньги уплывают, госпожа Кемма, деньги-то уплывают! Большие деньги передают из рук в руки, я тут в своем углу все вижу. Откуда они – я не знаю. Даже и мне предлагали, за что – не ведаю, но я отказался; к чему они старику, которому вот уже пятьдесят лет все довольствие идет из казны, да к тому же я всегда получал и зимнюю и летнюю одежду!

Кемма молча смотрела на него, словно о чем-то раздумывая, затем сказала:

– Конечно, мой старый друг, тебе деньги ни к чему; я ведь знаю, ты уж приготовил себе гробницу. Скажи, ты, наверно, знаешь все дворцовые двери, да и ворота тоже?

– Каждую знаю, госпожа Кемма, все входы и выходы. Когда я был покрепче, мне-то и полагалось закрывать их, и у меня даже сохранились вторые ключи; никто не отобрал их у меня, и до сих пор я помню, какой нрав у каждого замка.

– Тогда, друг, наберись-ка снова сил, даже если это будет твое последнее деяние; пойдешь, закрой все двери и ворота, задвинь засовы, а ключи принеси мне в царские покои. Мы хорошенько проучим тех, кто ушел без разрешения: двери окажутся запертыми, и до восхода солнца им негде будет проспать свой хмель.

– И то верно, госпожа Кемма, стоит проучить их хорошенько. А я достану ключи, обойду дворец, как когда-то, и задвину засовы; каждый из них я нарек в честь одного из владык потустороннего мира, чтобы не забыть, какой из них идет за каким. Да, сейчас же засвечу свою лампаду и пойду, будто я снова молод, а жена с малышами ждут, когда я вернусь домой.

Спустя полчаса старик появился в царских покоях и доложил, что все входы во дворец заперты. С удивлением он добавил, что все ворота и двери были настежь, и он не увидел ни одного ключа.

– Они позабыли, что у меня вторая связка, – усмехнулся старик, – да к тому же я знаю, как закрывать внутренние засовы; они думают, будто я, старый глупец, только и гожусь, чтобы приготовить ванну бальзамировщику. А вот и ключи, госпожа Кемма; отдаю их тебе с радостью, уж очень они тяжелы для меня. Обещай только не проговориться, что это я закрыл двери и оставил этих бездельников ночевать на холоде. Если тайна откроется, они избьют меня завтра. Вот если бы у вас нашлась чашечка вина для меня!

Кемма налила старику вина, смешав с водой, чтобы напиток был не слишком крепким. Затем Кемма попросила его пройти в домик у ворот царских покоев и внимательно следить, не идет ли кто; ему следовало тогда сообщить об этом Ру, который нес стражу перед лестницей, что вела в прихожую царских покоев.

Ободренный вином и радуясь, что жизнь его вновь нужна кому-то (хотя толком и не понимая, что происходит), старик пообещал все исполнить.

Затем Кемма открыла свои подозрения великану Ру; тот выслушал ее, кивая головой и поправляя на своем могучем теле панцирь из бычьей шкуры. Он проверил, легко ли дротики вынимаются из колчана, остро ли лезвие боевого топора. В нишах стены он затем расставил лампы, чтобы они осветили тех, кто вздумал бы подняться по лестнице, сам же Ру, стоя наверху, оставался в тени.

Когда приготовления были завершены, Кемма вернулась к царице, но не сказала ей о них ни слова; Рима, задумавшись, сидела у постели малютки.

– Зачем тебе копье? – удивилась царица, увидев Кемму.

– На него очень удобно опираться, а при случае сгодится и для другого. Будто вокруг все и тихо, но эта зловещая тишина и тревожит меня. Кто знает, может быть, еще до рассвета в этом безмолвии мы услышим голоса богов, которые укажут нам, пойти ли на барку Тау или остаться здесь.

– Странная ты женщина, Кемма, – отвечала царица, вновь погружаясь в раздумья; затем она уснула.

Но Кемма не спала; в тревоге она то и дело бросала взгляд на занавес, который отделял ее от лестницы, где нес стражу Ру. Наконец в тревожной тишине ночи, которая изредка прерывалась лишь тоскливым воем собаки, ибо чуть не все население города отправилось на праздник, Кемме послышался шум: кто-то тряс двери или ворота дворца, пытаясь войти. Неслышно поднявшись, она подошла к занавесам, за которыми на верхней ступени лестницы сидел Ру.

– Ты заметил что-нибудь? – шепотом спросила она.

– Да, госпожа, – ответил нубиец. – Какие-то люди хотят войти в ворота, а они заперты. Старый раб доложил, что они идут, а потом убежал, чтобы где-то спрятаться. Подымись-ка на башенку, что над этой дверью, и скажи, видишь ли ты что-нибудь.

Кемма по узкой темной лестнице поднялась на кровлю пилона, находившуюся в тридцати локтях от земли; на то место, где полагалось быть стражнику. Площадку окружала зубчатая стена с бойницами, сквозь которые можно было метать копья или стрелять из лука. Луна ярко сияла, озаряя дворцовые сады и весь город серебристым светом; реки не было видно из-за крыш, хотя отдаленные возгласы веселившихся горожан доносились до Кеммы – она знала, что люди эти вернутся лишь с восходом солнца.

В тени у ворот Кемма заметила группу людей, видимо совещавшихся о чем-то. Когда они вышли на свет. Кемме удалось пересчитать их. Их оказалось восемь, и все были вооружены – лунный свет играл на копьях. Они, видимо, приняли какое-то решение и теперь двинулись через пустой двор к дверям царских покоев.

Кемма сбежала по лестнице вниз.

– Если б я стоял там, – сказал Ру, – я проткнул бы кого-то из этих ночных птиц еще до того, как они подойдут к дверям.

– Не надо, – отвечала Кемма, – быть может, они пришли с добрыми вестями; или это воины, которые станут охранять царицу. Пусть они обнаружат чем-то свои намерения.

Ру кивнул:

– Та старая дверь не из самых крепких. В ней легко пробить брешь, и стычки не избежать, – один против восьмерых, госпожа Кемма. А если со мной что случится? Есть ли еще здесь выход, через который царица с девочкой могли бы спастись?

– Нет, двери, что ведут в зал Совета, заперты; я уже пыталась открыть их. Остается только прыгнуть с задней стены дворца, но как спрыгнуть с девочкой на руках? Поэтому, Ру, с тобой ничего не должно случиться: молись, боги придадут тебе сил и ума.

– Сил у меня хоть отбавляй, а вот ума, боюсь не хватает. Я сделаю, что могу, и пусть Осирис будет милостив к тем, кого поразит мой топор.

– Слушай меня, Ру. После того как ты перебеешь этих змиев или обратишь в бегство, приготовься следовать за нами и не выражай удивления, если вместо царицы и придворной ты увидишь двух крестьянок с ребенком на руках.

– Меня нелегко удивить, госпожа, а фиванцев я видеть не могу с тех пор, как пал благой бог, господин мой Хеперра и все эти гордецы вступили в сговор с Апепи. Но куда вы собрались бежать?

– У царского причала нас должен ждать корабль; Тау, кормчий его, встретит нас в часовне за два часа до восхода солнца, так что осталось уж немного времени. Ты знаешь это место.

– Знаю. Ш-ш-ш! Я слышу шаги...

– Говори с ними как можно дольше, Ру; нам надо еще кое-что сделать.

– Дел еще много, – согласился Ру, и Кемма скрылась за пологом.

Приход Кеммы разбудил царицу.

– Твои боги не явились, – сказала она, – и не подали знака. Видно, судьба предназначила нам остаться здесь.

– Царица, похоже, боги или демоны уже направляются сюда. Смени свои одежды. Молчи, не надо слов; молю тебя, делай, как я скажу.

Рима, глянув в лицо Кеммы, повиновалась. В мгновение ока все было готово; обе женщины облачились в крестьянский наряд и сменили одежду девочки. Затем Кемма побросала в суму старинные драгоценности, регалии древних царей Египта, и немного золота.

– Все эти знаки царского достоинства, короны и скипетры, жемчуг и золото, что ты так бережно собрала, будет тяжело нести, Кемма; ведь у нас с тобой есть еще драгоценность, которую необходимо оберегать прежде всего! – И царица бросила взгляд на малютку.

– Есть человек, который понесет ее, царица, – тот, кто вынес с поля сражения нашего государя Хеперра. А если и он не сможет, какая разница, у кого окажутся сокровища царей Юга.

– Ты полагаешь, что наша жизнь в опасности, Кемма?

– Да, так оно и есть.

Огонь вспыхнул в глазах Римы и, казалось осветил ее прекрасное, горестное лицо.

– Лучше нам умереть, – проговорила она. – А ты, друг мой, думала ли когда-нибудь о том прекрасном мире, что лежит за воротами смерти; блаженство, покой, вечность; если этого и нет – глубокая темень бесконечного сна? Жизнь! Я устала от нее и бросилась бы навстречу опасности. Но ведь есть еще дитя, мною рожденное, наследница престола Египта, и вот ради нее...

– Да, – спокойно отвечала Кемма, – ради нее!

За дверью, скрытой занавесом, послышались громкие возгласы:

– Откройте!

– Попробуйте открыть сами. Но смерть ждет тех, кто вздумает оскорбить Ее Величество, царицу Египта, – глубоким гортанным голосом отвечал Ру.

– Мы пришли, чтобы проводить царицу с царевной к тем, кто станет надежно охранять их! – выкрикнул кто-то из-за двери.

– Не смерть ли станет охранять их? – отозвался нубиец.

На мгновение наступила тишина. Затем раздался грохот, послышались гулкие удары топоров, но дверь не подавалась. Тогда в дверь принялись бить чем-то тяжелым, возможно большим бревном, и скоро створки ее, сорванные с петель, рухнули на пол.

Рима, подхватив малютку, бросилась в темный угол покоев. Кемма тоже мгновенно скрылась за пологом, держа в руке копье. Вот что представилось ее взору.

Великан-нубиец стоял на верхней ступени лестницы в тени, так как свет лампад, помещавшихся в нишах, устремлялся вниз. В правой руке Ру держал копье, левая сжимала руко-

ять боевого топора и небольшой щит из кожи бегемота. Грозно высился он у входа вы покои царицы.

Но вот какой-то высокий человек с мечом в руке прыгнул на поваленную дверь, и лунный свет засверкал на его оружии. Мелькнуло копье, человек этот рухнул бесформенной грудой, и доспехи его проскрежетали по бронзовым петлям двери. Его оттащили в сторону. В пролом бросилось несколько человек. Ру перекинул топор в правую руку, наклонился вперед и, прикрыв голову щитом, застыл в ожидании. На щит посыпались удары. Снова обрушился на кого-то топор нубийца, и еще один из нападающих, обмякнув, упал. Ру громко запел боевую песнь своего народа, разя нападавших ударами безжалостного топора. Но пришельцы с безрассудством отчаяния продолжали наступать. Впереди их, возможно, ожидала смерть, но и в случае отступления, они наверняка, не избежали бы смерти от рук соучастников заговора. Одному Ру было трудно оборонять широкую лестницу. Кто-то проскользнул под его рукой и спрятался в складках занавеса, наблюдая за происходящим. Кемма увидела его лицо. То был фиванский сановник, который прежде сражался вместе с Хеперра, а теперь, подкупленный, предался гиксосам. Гнев охватил Кемму. Бросившись вперед, она что было сил вонзила копье ему в горло. Тот упал, Кемма наступила на тело ногой и воскликнула: «Умри, пес! Умри, предатель!»

На лестнице схватка стихла. Вскоре показался улыбающийся Ру; он был весь в крови.

– Все мертвы! – крикнул он. – Только один бежал. Где этот негодяй, что проскользнул мимо меня?

– Здесь, – отвечала Кемма, указав на бездыханное тело.

– Хорошо, очень хорошо! – воскликнул Ру. – Теперь я стану думать о женщинах лучше, чем прежде. Но поторопимся! Одна собака спаслась, – она созовет всю свору. Это что – вино? Позволь мне глотнуть. И разыщи какой-нибудь плащ. В таком наряде я не смею явиться перед царицей.

– Ты ранен? – спросила Кемма, подавая ему чашу с вином.

– Нет, ни одной царапины! И все же мне не подобает быть в таком виде, хотя на мне кровь предателей. То месть богов! Пью за преисподнюю, куда они попали! Одевание это мне не по росту, да ладно, оно еще послужит. Что за мешок ты даешь мне?

– Не спрашивай. Понесешь его ты, Ру. Теперь из воина ты обратился в носильщика. Держи его, славный Ру, да не потеряй: в нем короны Египта. Идем, царица, топор Ру освободил нам путь.

Рима, державшая ребенка на руках, отшатнулась, увидев залитую кровью лестницу. Дрогнувшим от ужаса голосом она произнесла:

– Вот знамение ваших богов, Кемма, – она показала на кровь, залившую пол и стены, – а вот посланцы их. Взгляни на них. Я знаю их в лицо. Они были друзьями и воинами покойного Хеперра, моего господина. Зачем ты, Ру, убил друзей фараона; они ведь пришли, чтоб отправить меня и мое дитя в безопасное место.

– Да, царица, – вмешалась Кемма, – под сень смерти или тюрьмы Апеги.

– Не верю, женщина, и не желаю идти за тобой, – проговорила разгневанная Рима. – Спасайся, если хочешь, делай, что пожелаешь, запятнанными кровью руками; я же с моим дитя остаюсь здесь.

Кемма глянула на царицу и в раздумье опустила глаза.

– Прикажи, и я понесу ее на руках, – шепнул ей нубиец.

В этот миг взгляд Кеммы упал на тело сановника, которого она поразила собственной рукой; на глаза ей попался свиток папируса, наполовину торчавший из-под панциря. Кемма наклонилась и подняла папирус. Она принялась быстро читать, – этому ее выучили хорошо. Послание предназначалось убитому сановнику и его сотоварищам. Скреплен папирус был печатями верховного жреца и других лиц.

Послание гласило:

«Во имя всех богов и ради блага Египта приказываем тебе задержать Риму – вавилонянку, супругу благого бога, царя, коего нет более, а равно и дитя ее, наследную царевну Нефрет, и доставить их к нам живыми, если удастся, дабы затем переправить оных царю Апеги, как мы поклялись в том. Прочти и повинуйся».

– Знаешь ли ты египетское письмо, царица? – спросила Кемма. – Здесь кое-то имеет отношение к тебе.

– Прочти, – отвечала Рима безучастно.

Кемма внятно прочла приказ, чтобы смысл слов проник в сознание царицы.

Выслушав, охваченная трепетом Рима прижалась к Кемме.

– О, зачем явилась я в эту землю предателей? – простонала Рима. – Лучше б мне умереть!

– Это и случится, если ты удержишься здесь, хотя бы ненадолго, царица, – с горечью сказала Кемма, – пока что мертвы предатели или некоторые из них; о проделках их расскажи Хаперра, нашему господину. Идем. Поспешим, в Фивах еще есть негодяи.

Но Рима без чувств опустилась на пол. Кемма успела подхватить малютку и взглянула на Ру.

– Так-то лучше, – сказал великан, – царица теперь слова не скажет, и я просто понесу ее. Но что делать с мешком? Не лучше ли бросить его? Жизнь-то подороже всех корон.

– Нет, Ру, клади его мне на голову – так крестьянки таскают свою ношу. Я буду придерживать его левой рукой, а правой понесу ребенка.

Нубиец помог Кемме, а затем легко поднял царицу – силы ему было не занимать. Так они спустились по лестнице, переступая через тела, и вышли из дворца. Их окутала ночь.

К пальмам надо было идти по открытому пространству. Девочка тихо плакала; Кемма, кутая ее в свой плащ, старалась заглушить слабый голосок. Ноша тяжело давила голову, острые края драгоценностей, украшавших короны и скипетры, впились в лоб, но Кемма шла вперед. Оказавшись в тени пальм, на мгновение она задержала шаг, чтобы перевести дух, и оглянулась. Какие-то люди – их было много – бежали к дверям царских покоев.

– Не следовало нам медлить, – прошептал Ру. – Скорее вперед!

Они двинулись дальше, но вот перед ними возникла разрушенная часовня. Кемма, шатаясь, подошла к ней и опустилась на колени: силы покинули ее.

– Пока не придет помощь, останемся здесь, – сказал Ру. – Двух полуживых женщин я еще смог бы унести, и даже мешок на голове. Но девочка... Ведь это царевна Египта. Даже ценой чьей-то смерти ее надо спасти.

– Да, – еле выговорила Кемма. – Брось меня, спасай девочку. Возьми ее и мать и ступай к реке. Быть может, лодка уже там.

– А может, и нет, – проворчал Ру, оглядываясь.

Послышались шаги, из-за пальмы появилась фигура Тау.

– Вы пришли чуть раньше, госпожа Кемма, – сказал он. – Но, к счастью, я тоже, и даже попутный ветер с верховьев не задержался. По крайней мере вы трое тут. Но кто это с вами? – Тау пристально посмотрел на великана-нубийца.

– Тот, на кого можно положиться, – отвечал Ру, а если сомневаешься, проберись ко дворцу и взгляни на лестницу царских покоев. Если понадобится, человек этот сломает кости и тебе, как раб ломает прутья.

– Этому я верю вполне, – согласился Тау, – но ломать кости или нет, решим после. Теперь же следуй за мною, и поскорей!

Тау перебросил мешок через плечо и, поддерживая Кемму, направился к реке.

У ступеней причала качалась лодка, а в некотором отдалении виднелась барка с приспущенным парусом, стоявшая на якоре.

Тау взялся за весла и стал грести в сторону барки. Оттуда ему бросили веревку; поймав ее, Тау закрепил конец и начал подтягивать лодку к борту. Несколько рук протянулись навстречу, и вскоре все были уже на палубе.

– Поднять якорь, – приказал Тау. – Поставить паруса!

– Слушаюсь, господин, – отозвался чей-то голос.

Еще немного, и судно заскользило вниз по реке, подгоняемое сильным южным ветром. С корабля, тихо удалявшегося под покровом ночи, беглецы увидели людей с факелами, обыскивавших пальмовую рощу, которую они только что покинули. Обеих женщин и девочку поместили в каюте. Тогда лишь Тау обратился к нубийцу:

– Ну, Костолом, скажи что-нибудь; быть может, чаша вина и немного пищи развяжут тебе язык.

Так царица Рима, наследница престола египетского Нефрет, воспитательница ее Кемма и эфиоп Ру совершили побег из Фив, ускользнув из рук предателей.

Глава IV. ХРАМ СФИНКСА

День за днем барка плыла вниз по Нилу. По ночам или если ветер не был попутным, ее подводили к берегу, обычно в каком-нибудь пустынном месте, подальше от городов. Дважды останавливались вблизи больших храмов, разрушенных гиксосами при завоевании этих земель и не отстроенных еще заново. С наступлением темноты из руин или из гробниц вокруг них появлялись люди, которые приносили что-то на продажу; Кемма, посвященная во многое, что касалось отправления культа, по некоторым жестам угадывала в них жрецов, хотя она не знала, каким богам они служат. Пришедшие, выказывая глубокое почтение Тау, беседовали с ним наедине, и потом под разными предложениями Тау приводил их в каюту, где находилась маленькая царевна; те с благоговением глядели на нее, а порой простирались ниц, словно перед божеством; затем они покидали барку, призывая к ней благословение богов, которым поклонялись. Похоже было даже, что люди эти никогда не брали вознаграждение за принесенную ими пищу.

Кемма примечала все это, да и Ру также, хоть и казался простаком; лишь царица Рима почти что не обращала внимания на происходящее. С той поры, как в сражении был убит ее господин, царь Хеперра, силы оставили царицу; измена ее советников и военачальников, казалось, целиком сломила ее волю; теперь ее не тревожило ничто, кроме судьбы малютки.

Очнувшись, Рима обнаружила, что она на корабле; царица задала несколько вопросов, а увидав Ру, которого очень любила, она отшатнулась – ей казалось, что от него пахнет кровью. С Тау она почти что не говорила; после всего, что она пережила, мужчины внушали ей опасения. Откровенна она была лишь с Кеммой, и главное в этих беседах было: как спастись из ненавистного Египта, вернуться к отцу, царю Вавилона?

– Пока что боги Египта обошлись с тобой не слишком жестоко, царица, – убеждала ее Кемма. – Они вызволили тебя с дочерью из предательских сетей; и совершили боги все это уж после того, как ты объявила, что не веришь в них.

– Может быть, Кемма. Но твои боги распорядились так, что царственный супруг мой убит, а те, кому он и я верили, оказались подлыми предателями; они искали случай, чтоб отдать супругу царя и его малютку-дочь в руки врагов. Лишь твой ум да сила и храбрость эфиопа спасли нас. И не обо мне, чужеземке, пекутся боги, а о роде фараонов Египта, продолженном мною. Пусть тебя не удивляет, что это не мои боги, хотя я, жена фараона, не раз возлагала приношения на алтари их. Помяни слова мои: я еще вернусь в Вавилон и перед смертью преклоню колена в храмах моих предков. Доставь меня назад в Вавилон, Кемма, где люди не изменяют тому, чей хлеб насыщает их, где их не обуревают жажда продать в рабство или предать смерти наследницу тех, кто погиб, сражаясь за них.

– Я исполню это, если смогу, – проговорила Кемма, – но увы, Вавилон далек, а земли между ним и нами в огне войны. Мужайся, царица, и наберись терпенья.

– Не осталось во мне мужества, – отозвалась Рима, – одно желание у меня: найти своего господина, восседает ли он за столом вашего Осириса, плывет ли в облаках вместе с Белом или спит в глубокой тьме. Где б он ни был, я хочу быть рядом и нигде больше, а менее всего – в этом ненавистном Египте. Дай мне малютку, я покормлю ее, подержу на руках, пока еще могу. Мы сильнее любим тех, кого вскоре должны оставить, Кемма.

Жрица передала девочку и отвернулась, чтобы скрыть слезы, ибо горе, как полагала Кемма, сокращало жизнь обездоленной вдовы, дочери царя Вавилона.

Проплывая Мемфис, который Тау хотел миновать на ранней заре, прежде чем люди выйдут из жилищ, беглецы подверглись большой опасности. К барке приблизилась лодка с воинами, которые потребовали, чтобы барка остановилась. Тау счел за благо подчиниться.

– Помните, что надо говорить, – шепнул он Кемме. – Ты моя сестра, царица – большая жена. Ступай, вели ей позабыть на время свое горе и коварством уподобиться змее. Ты же,

Ру, прячь подальше свой боевой топор, да так, чтоб его можно было легко достать при надобности. Ты мой раб, за которого я дорого заплатил в Фивах; я собираюсь зарабатывать деньги, показывая твою силу на рынках; и ты очень плохо или даже совсем не говоришь по-египетски.

Лодка причалила к борту. У двух воинов, сидевших в ней, вид был сонный, похоже, глаз не сомкнули всю ночь; на веслах сидел какой-то простолоудин. Стражники поднялись на палубу и спросили кормчего. Появился Тау, на ходу поправляя одежду, и недовольно спросил, что им надо.

– Наше дело узнать, что тебе надо здесь? – сказал один из них.

– Ответ прост, господин. Я вожу зерно вверх по реке, а спускаясь вниз, везу скот. Есть у меня несколько породистых бычков, вы их, часом, не купите? Если так, можно бы глянуть на них. У одного даже есть метка Аписа или что-то в этом роде.

– Похожи мы на торговцев, скупающих скот? – спросил высокомерно один. – Показывай разрешение.

– Вот, пожалуйста, господин. – И Тау протянул папирус, скрепленный печатями торговцев Мемфиса и других городов.

– Жена, ребенок и сестра – небось старшую жену за сестру выдаешь? – и большая команда. Мы ищем двух женщин с ребенком, надо нам взглянуть на них.

– Зачем? – усомнился второй воин. – Барка не похожа на царский военный корабль, что нам велено задержать; к тому же зловоние от этих быков ужасное, я не выдержу – вчера ведь был праздник.

– Военный корабль, господин? Вы его дожидаетесь? За нами шел какой-то. Мы его видели, но вода стоит низко, и корабль тот сел на мель; уж не знаю, когда достигнет он Мемфиса. Очень ладный корабль, много воинов на борту. Они собирались пристать в Сиуте, что был пограничным городом Юга, пока мы не разбили этих заносчивых южан. Но взгляните на женщин, если угодно.

Сообщение в военном корабле заинтересовало стражников настолько, что они двинулись вслед, мало думая о спутницах Тау. Один взял лампаду и сунул ее за полог, прикрывавший вход в каюту, пробормотав:

– Чтоб злые духи ее забрали! Совсем не светит.

– Ее погасят злые запахи, – отозвался другой, зажимая нос и глядя внутрь. Тусклый язычок пламени едва светил, и воины увидели не слишком опрятно одетую Кемму, сидевшую на мешке (знали б они, что в нем хранятся сокровища царей Верхнего Египта!). Она мешала молоко с водой в тыквенном сосуде, другая женщина с неубранными волосами лежала, прижав к груди какой-то сверток.

В этот миг лампада совсем потухла, и Тау принялся вспоминать, где найти масло, чтоб вновь засветить ее.

– Ни к чему, друг, – сказал старший, – мы уже поглядели. Плыви с миром и продай своих бычков как можно удачнее.

Воин вернулся на палубу, где – словно по велению злого рока – взгляд его упал на Ру, который присел, стараясь скрыть свой рост.

– Какой рослый негр! – удивился стражник. – Не о нем ли донес наш соглядатай: будто какой-то негр поубивал там много наших сторонников. Встань-ка, мальй!

Тау сделал вид, что перевел его слова; Ру поднялся, растерянно улыбаясь и тараща свои глазищи так, что засверкали белки.

– О, – воскликнул воин, – вот так громадина! Клянусь богом! Какая грудь, что за руки! Послушай, кормчий, что это за великан? Зачем он понадобился на торговом судне?

– Господа, – отвечал Тау, – я решился купить его, вложив в это дело большую часть того, что имел. Он очень силен, прямо-таки чудеса выделяет, потому я надеюсь заработать на нем в Танисе.

– Вот как? – недоверчиво произнес один из воинов. – Ну-ка, – обратился он к Ру, – покажи свою силу.

Ру нерешительно покачал головой.

– Не понимает он вас, господа, он ведь эфиоп. Пойдите, я ему скажу.

И Тау обратился к Ру на непонятном языке. Ру словно пробудился и кивнул, ухмыляясь. В следующее мгновение он подскочил к стражникам, схватил каждого за одежду и, словно детей, поднял над палубой. Затем с громким хохотом нубиец подошел к борту и, будто желая кинуть обоих в реку, вытянул руки над водой. Стражники кричали, Тау с бранью пытался оттащить Ру от борта. Ру обернулся, продолжая держать воинов в воздухе и задумчиво рассматривая люк, словно собирался швырнуть туда своих пленников. Наконец слова Тау дошли до него, и он плашмя кинул обоих на палубу.

– Это его любимая шутка, – пояснил Тау, помогая воинам подняться на ноги, – он так силен, что мог бы еще и третьего удержать в зубах.

– Ладно, с нас довольно трюков твоего дикаря, – сказал воин. – Смотри, как бы не угодить тебе из-за него в тюрьму. Придержи-ка его, пока мы сядем в лодку.

Стража отплыла, и барка, незаметная в тумане, что с восходом солнца таял над рекой, продолжила свой путь мимо набережных Мемфиса.

Тогда нубиец, подойдя к рулевому веслу, что держал Тау, тихо проговорил:

– Сдается мне, Тау, что ты – большой господин или даже князь, хоть и желаешь сойти за владельца торгового суденышка. А было б хорошо, если б ты приказал мне бросить тех молодцов в реку. Она-то уж молчит о том, кого хоронит. Скоро узнают, что нет никакого военного корабля, о котором ты так хорошо рассказывал, и тогда...

– И тогда, Костолом, тем стражам, что щебетали, как зяблики в траве, несдобровать; ведь настоящая добыча тем временем ускользнула из их рук. Жаль, по-своему, они не такие уж скверные люди. А бросить их в реку, быть может, и неплохо бы, хотя и жестоко, да оставался свидетель. Что сказал бы лодочник, что привез их, обнаружив, что воины его не вернулись?

– Ты мудр, – сказал Ру восхищенно, – мне это в голову не пришло.

– Да, Ру. Если б к твоей неразумной силе и природной доброте добавить мой разум, ты смог бы править этим жестоким миром, но мой разум остается при мне, и оттого смиришься с тем, что на тебе ярмо, как на буйволе, и ярмо это удерживает не только тебя, но и более сильных, чем ты...

– Если дело в разуме, отчего же ты не властитель, господин? Ведь ты вроде всем взял, хоть и не такого роста, как я? Почему везешь ты беглецов на грязном торговом суденышке, а не восседаешь на царском троне? Объясни это мне, простому чернокожему, кого учили только сражаться да быть честным.

Тау искусно вел корабль среди множества барок, подымавшихся по Нилу с грузом. Затем кормчий подозвал матроса, чтоб тот сменил его, – теперь на реке не видно было ни одного судна, – а сам присел на ограждение борта и заговорил:

– Потому, друг мой Ру, что я избрал путь служения. Если человек не привык предаваться размышлениям и задумывается также мало, как большинство простосердечных людей, – особенно если он молод и простого звания, – ему известны лишь любовь, коей жив род человеческий, да война, что уносит множество людей; и ты, наверно, не поверишь, если я скажу, что истинная радость жизни – в служении. Разное бывает служение. Многие служат фараонам, отчего те слепы и самодовольны: ветер, отравленный дыханьем толпы, влечет их, преисполненных тщеславия, словно пузыри по воде, хоть сами они не ведают того; они – рабы рабов – несут зла более, нежели добра. Кто служит истинно – живет иначе: отринув своекорыстие и тщеславие, он смиренно трудится во имя добра и находит в том себе награду.

Ру потер лоб и спросил:

– Но кому же подобный человек служит, господин?

- Он служит богу, Ру.
- Богу? О каких только богах не слышал я в Эфиопии, Египте и других землях. Какому богу он служит, где находит его?
- В сердце своем, Ру; но имя его я не смогу назвать тебе. Одни нарекли его Справедливостью, другие – Свободой, некоторые – Надеждой, а кое-кто – Духом.
- А как те, кто служат только себе, своему желанью, кому безразлично все прекрасное, – как они называют его, господин?
- Не знаю, Ру. Хотя все ж, пожалуй, знаю – Смерть.
- Но живут те люди так же долго, как и другие, и нередко пожинают богатый урожай.
- Да, Ру, но все же дни их сочтены, и если они не раскаялись, души их умирают.
- Ты веришь, как тому учат жрецы, что души продолжают жить?
- Верю, что они живут дольше самого Ра, бога солнца, дольше звезд, и из века в век пожинают плоды честного служения. Но не спрашивай меня; лучше тебе об этом расскажет тот, кого вскоре ты увидишь; я лишь ученик его.
- Не стану я спрашивать, господин, мысли мои и так уж путаются, – но вот только объясни мне, если пожелаешь, что тебе даст в конце концов служение, которое велит тебе с большой опасностью плыть вверх по реке, дабы спасти двух женщин и ребенка?
- Быть может, награда за истинное служение заключается в самом служении. И не мне доискиваться до цели его, я ведь дал клятву повиноваться, не задавая вопросов и не выражая сомнений.
- Так у тебя есть наставник, господин мой, кто он?
- Это ты вскоре узнаешь. Не жди, что пред тобою окажется царь на троне или жрец, окруженный почестями и великолепием. Я расскажу тебе кое-что, Ру, ты ведь многого не знаешь. Ты уверен, будто фараон, войско, богатство составляют силу, что правит Египтом, да и всем миром. Не так это. Есть сила, тебе не явленная, она-то и правит миром; имя ей – Дух. Священнослужители учат, будто у всякого человека есть свое Ка, свой двойник, – нечто невидимое глазу, но более сильное, чистое, мудрое и долговечное, чем сам человек. Нечто такое, что время от времени, возможно, зрит лик божества и нашептывает человеку о воле его. Пусть это притча, но в ней есть доля истины, ибо каждому живущему сопутствует приданный ему дух. Или даже два: один – дух добра, другой – зла; один ведет вверх, другой же тянет вниз.
- Еще раз скажу, господин: ум мой мутится от таких слов. Но куда и к чему ведет тебя твой собственный дух?
- К вратам мира, мира для меня самого и для всего Египта, Ру; в край, где для тебя мало дел, ибо там нет войны. Посмотри, там, вдали, Великие пирамиды; то – дома мертвых, а возможно – и обители душ, что не умирают. А теперь помоги мне убрать парус – мы должны проплыть мимо них медленно. Ночью мы вернемся и высадим здесь кой-кого из наших спутников. Там, быть может, тебе станет яснее смысл того, о чем я говорил.

Спустилась ночь. Тау привел свое судно назад, к пристани. Во время половодья причал оказывался недалеко от Великих пирамид и Сфинкса, что лежал рядом с ними, вперив свой вечный взор в пустоту. Тут под покровом темноты беглецы сошли к корабля и сразу же укрылись в зарослях тростника.

Едва они спрятались на берегу, как над рекой забрезжил свет: показались барки, полные вооруженных людей, с большими факелами, укрепленными и на носу, и на корме. Они шли вниз по течению. Тау проводил их взглядом и обернулся к спутникам.

– Похоже, кто-то донес мемфисским стражникам, что никакой военный корабль из Фив за нами не шел, – сказал он, – теперь они ищут торговое судно, на борту которого две женщины с младенцем. Ладно, пусть ищут; птицы упорхнули, а туда, где они вьют гнезда, гиксосам не подступиться.

Отдав распоряжения матросу, – лицо которого было столь же непроницаемым, как и у других матросов на судне, – Тау подал руку царице Рима и двинулся в темноту, за ним следовала Кемма с девочкой на руках, а замыкал шествие Ру, который нес сокровища царей Верхнего Египта.

Долго брели они вперед, сначала через пальмовую рощу, затем по пустынным пескам, пока в тусклом свете взошедшей луны им не открылось вдруг удивительное зрелище. Перед ними появилась огромная, высеченная из целой скалы фигура льва с человеческим лицом, в головном уборе царя или бога; внушающий ужас недвижный взор изваяния обращен был к востоку.

– Что это? – дрогнувшим голосом спросила Рима. – Мы в подземном мире и перед нами бог его? Это лицо со страшной улыбкой, конечно, принадлежит богу.

– Нет, госпожа, – отвечал Тау, – то лишь образ бога, Сфинкс, который возлежит здесь с незапамятных времен. Смотри! На фоне неба видны очертания пирамид позади него; в их подземельях – защита и покой для тебя и твоего ребенка.

– Спасенье для ребенка – может быть, – согласилась Рима, – для меня же, думаю, самый долгий из всех покой. Ибо знай, о Тау, – из суровых улыбающихся глаз Сфинкса на меня смотрит сама смерть.

Тау промолчал; даже его мужественная душа, казалось, содрогнулась от столь зловещего предсказания. Кемма, как и он охваченная страхом, прошептала:

– Мы поселимся среди гробниц, и это к лучшему, ибо, может быть, нам вскоре придется искать укрытия.

Ру тоже почувствовал ужас, хотя скорее при виде величественной фигуры Сфинкса чем от слов царицы, которые он не очень-то уразумел.

– Здесь так страшно, что сердце мое дрожит, да и ноги подкашиваются, – чистосердечно признался он. – Я не из пугливых, а сейчас вот испугался – с тем, что я тут вижу, не сразишься, я тут бессилён. Сама судьба предстала перед нами, а что человек может перед лицом судьбы?

– Внять ее велению, как должны внимать все смертные, – внушительно произнес Тау. – А теперь вперед; храм этого бога открыт, другие оставим судьбе.

Отойдя примерно на пятьдесят шагов от вытянутых лап могучего изваяния, путники приблизились к лестнице, уводившей куда-то вниз, спустились по ее ступеням, и оказались перед стеной, в которой выделялся большой гранитный блок. Подняв с земли камень, Тау условным стуком постучал по стене. Трижды повторял он свой стук, звучавший каждый раз несколько иначе. Вскоре огромный камень слегка сдвинулся с места, приоткрыв узкий проход. Тау подал знак следовать за ним. Путники очутились в непроглядной тьме; послышались слова пароля. Потом из темноты выплыл свет лампад; их держали люди в белых одеждах жрецов, но носившие, подобно воинам, мечи и кинжалы. Их было семеро, один, видимо, старший, – шел впереди. К нему и обратился Тау:

– Я доставил сюда тех, за кем отправился на поиски. – И он указал на царственного младенца, покоившегося на руках Кеммы, царицу и великана Ру, которого жрецы разглядывали с недоумением.

Тау принялся было объяснять, кто такой Ру, но старший перебил его:

– Не продолжай. Благочестивый пророк говорил о нем. Пусть этот человек знает: того, кто раскроет тайны сего места, ждет страшная смерть.

– Только еще ждет? – отозвался Ру. – А мне казалось, будто я уже мертв и погребен.

Жрецы один за другим почтительно поклонились младенцу и, завершив церемонию, знаком велели всем следовать за ними.

Они двинулись по длинному проходу, выложенному алебастровыми плитами, и скоро очутились в просторном зале, потолок которого поддерживали массивные гранитные колонны, а вдоль стен возвышались величественные изваяния богов и царей. Миновав зал, процессия

прошла в галерею, куда выходили двери жилых помещений, имевших окна. Покои эти предназначались, видимо, для вновь прибывших: там виднелись ложа и прочая мебель, не были забыты и женские одеяния. В одной из комнат стоял стол, уставленный всевозможными яствами.

– Подкрепитесь и отдохайте, – обратился к беглецам Тау. – Я доложу обо всем пророку. Завтра же сам он будет говорить с вами.

Глава V. ПРИНЕСЕНИЕ КЛЯТВЫ

На следующее утро солнечный луч, пробившись через окно, рано разбудил Кемму.

Значит, мы не в гробнице, – с облегчением подумала она, – мертвым окна не нужны.

Она повернула голову и увидела, что царица сидит на своем ложе и глаза ее восторженно сияют.

– Ты проснулась, Кемма, – проговорила Рима. – Солнце светит тебе прямо в глаза; благодарение за это богам – значит, мы живы. А мне приснилось, что господин мой добрый Хеперра – кого, увы, нет в живых – явился ко мне и сказал:

«Супруга моя, ты завершила все труды: наша дочь в безопасности, ты принесла ее в священное место, где обитают души тех, кем прежде славен был Египет, – они защитят ее. Возлюбленная моя, готовься теперь вернуться к супругу твоему».

«Этого я желаю более всего! Но укажи, господин мой, как найти тебя?» – проговорила я.

И тут, Кемма, дух царя Хаперра отвечал:

«Ты найдешь меня там, где нет ни войн, ни страха, ни горя, и долгие годы мы пребудем с тобой в счастье, что же случится потом, мне неизвестно».

«Но наше дитя? – вопрошала я. – Неужели нам суждено потерять дочь?»

«Нет, любимая, – ответил он, – она вскоре будет с нами».

«О господин мой, – испугалась я, – неужели она покинет сей мир, так и не узнав его?»

«Нет, возлюбленная моя, но в этом мире нет времени, а срок ее жизни на земле вскоре завершится, и она присоединится к нам».

«Но она не узнает нас, господин, – ведь мы покинули ее, когда она была еще младенец».

«Усопшие знают все; но что кажется утраченным, они обретают вновь; в смерти все прощается, даже те жрецы и сановники, что предали вас гиксосам, будут прощены; те, кого боевой топор Ру послал сюда, стоят подле меня и испрашивают твоего прощения. В смерти приходит прозрение. Поэтому иди сюда скорее и не страшись».

И тут я пробудилась, в первый раз чувствуя себя счастливой с тех пор, как Ру вынес тело царя Хеперра с поля битвы.

– Станный сон. Очень странный сон, царица. Но разве можно верить видениям ночи? – воскликнула Кемма. В растерянности, не зная, как отвлечь царицу, она продолжала: – Поднимись, госпожа моя, если то угодно тебе, позволь облачить тебя в одеянья, что припасены тут. Мы позовем господина Тау, я убеждена, что он знатный господин, а не простой корабельный кормчий, мы осмотрим место, куда попали и которое могло оказаться куда хуже: тут нас ожидали и тонкие явства, и удобные покои, и друзья, и глубокие подземелья, где можно укрыться, если нападут враги.

– Ах, Кемма, я поднимусь, но в последний раз: я хотела бы взглянуть в лицо этому Рои, пророку, благодаря которому мы оказались здесь; я передам под его покровительство свою дочь, прежде чем отправлюсь туда, куда ему идти еще не пришел срок.

– Значит, ты, царица, уйдешь действительно далеко, если правда все то, что я слышала о Рои, – отозвалась Кемма.

Некоторое время спустя, когда женщины сидели за утренней трапезой, вошел Тау и пригласил их следовать за ним к его наставнику, прорицателю Рои.

Женщины повиновались. Рима двинулась к двери, опираясь на руку Тау, Кемма несла девочку, замыкал процессию Ру. Вскоре послышалось тихое пение; войдя в большой зал, куда свет проникал через маленькие окна, располагавшиеся под самым потолком, они увидели людей в белых одеяниях: мужчины стояли справа, женщины – слева. В глубине зала помещался алтарь, позади него – часовня из алебаstra с большой статуей бога мертвых Осириса в погребальных пеленах. Пред алтарем на троне из черного камня сидел старец, облаченный в свет-

лые одеяния жреца; необычной формы амулеты поблескивали на нем золотом и драгоценными камнями.

Ру воззрелся на старца в крайнем удивлении: длинная белая борода, тонкие, как у мумии, руки, нос с горбинкой, живые, казалось, всепроникающие глаза горели огнем. Хотя Кемме уже много лет не доводилось видеть Рои, она сразу признала в нем потомка царей, своего двоюродного деда; под именем пророка Рои он был известен всему Египту своей святостью, тайным могуществом и волшебной силой. Кемма вспомнила, как образ прорицателя явился ей в полуразрушенной фиванской часовне, когда она пыталась понять, кто же такой Тау: правда ли, что он посланец друзей или враг, который пытается заманить ее в ловушку.

Беглецы приблизились; присутствовавшие в зале молча наблюдали за ними. Внезапно Рои поднял голову и, устремив на них пристальный взгляд, громко обратился к Тау:

– Кто те, кого ты ввел в собрание тайной Общины Зари, куда вход без должного разрешения карается смертью? Ответствуй же, сын мой по духу.

Тау отвечал после троекратного поклона:

– О источник мудрости, благороднейший из царей, глас небес, выслушай меня! В прошлое полнолуние ты повелел мне:

«Жрец Общины нашей, ты обратишься в торговца. Отправься в Фивы и, прибыв туда, проникни в дворцовый сад и спрячься за пальмой, что растет у забытой часовни. Там ты найдешь царскую няньку Кемму, в жилах коей течет и моя кровь. Покажи ей этот обломок талисмана и, если она покажет тебе второй, откройся ей, объявив, что послан мною. Если же она усомнится, вознеси молитвы и призови меня, я услышу твой зов и приду на помощь. Когда же она доверится тебе, исполни порученное, как сочтешь нужным».

Я внял твоему повелению. Перед тобой Рима, дочь Дитаны, царя вавилонского, вдова фараона Верхнего Египта Хеперра, а также и Кемма, воспитательница царской дочери Нефрет, царевны Египта.

– Вижу, сын мой, но кто же четвертый, вот этот сильный негр, о ком я ничего не говорил?

– Отец, без его помощи, поистине ниспосланной богами, никто из нас не стоял бы здесь сегодня: это он не впустил предателей в дверь, секирой своей убив всех восьмерых.

– Не совсем верно, сын мой, или мой дух ввел меня в заблуждение: ведь одного сразила госпожа Кемма.

Ру, слушавший обоих со все большим удивлением, не смог сдержаться:

– Истинная правда, о пророк, а может, и бог! – воскликнул он. – Это она убила негодяя, что проскользнул мимо меня. И то был сильнейший удар, который когда-либо наносила женская рука. О пророк, твои глаза и впрямь очень зорки, если ты видел все это.

Слабая улыбка скользнула по лицу Рои.

– Подойди сюда, Ру, – так, кажется, тебя зовут, – промолвил он.

Великан повиновался и по собственной воле пал на колени перед ним.

– Слушай же меня, эфиоп Ру, – продолжал пророк. – Ты человек бесстрашный и верный. Ты сразил тех, кто убил господина твоего, царя Хеперра, и вынес тело его с поля битвы. Сейчас же дарованные тебе свыше сила и доблесть спасли наследницу трона Египта и царицу от заточения и гибели. Потому я принимаю тебя в нашу Общину, в которой никогда доселе не было негров. Тебя обучат простым ритуалам и некоторым молитвам. Но знай, Ру, стоит тебе выдать самую малую тайну или учинить зло кому-нибудь из своих братьев, ты умрешь, и вот как. – И, наклонившись, Рои прошептал что-то эфиопу.

– Не надо, молю тебя, прорицатель! – воскликнул в ужасе Ру, поднимаясь с колен. – Ни о чем подобном не слышал я ни в Эфиопии, ни в Египте, ни на войне, ни в дни мира. Но твои угрозы излишни: я в жизни никого не предал, уж тем более не предам тех, чей хлеб ем и кого люблю. – И Ру обратил взор на царицу и младенца.

– Слушай же! – продолжал пророк. – Отныне ты – телохранитель и страж наследницы престола Египта. Куда бы она ни двинулась, следуй за нею. Если она почивает, твое ложе – у ее двери. Если ей придется воевать, будь рядом, прикрывая ее, словно щитом, своей жизнью. Когда бы она ни отправилась в путь, – днем ли, ночью ли, – ты пойдешь рядом, а если она умрет, умрешь и ты и проводишь ее в царство мертвых. Это будет наградой тебе, ибо те благословения и сила, коими наделена она, осенят и тебя, и ты станешь служить ей вечно. А теперь отойди назад.

– Лучшей участи мне и не надо, – прошептал Ру, повинуюсь.

– Воспитательница, поднеси мне дитя, – молвил затем пророк.

Кемма вышла вперед, неся спящую девочку; по приказанию Рои она подняла ее, чтоб та была видна всем, и каждый, кто находился в зале, преклонил колена и поклонился ей.

– Братья и сестры Общины Зари, взгляните в облик сего младенца: пред вами наследница престола, будущая царица Египта! – воскликнул Рои, и снова все преклонили колена и поклонились. Затем жрец, наклонившись к ребенку, тихо произнес несколько слов и благословил Нефрет, ритуальными жестами призывая богов и духов вечно хранить ее. Свершив этот обряд и поцеловав царевну, Рои передал ее Кемме и сказал:

– Будь благословенна и ты, верная женщина. Пусть и на тебя сойдет благословение; позже тебя посвятят в наши тайны и введут в Общину. Иди с миром.

Все это время царица Рима сидела на поставленном для нее кресле, устремив на Рои невидящий взор и слушая его так, словно речи не имели к ней никакого отношения. Когда же Рои кончил, она подняла голову и произнесла:

– Привет и благословение рабу. Привет и благословение воспитательнице. Приветствие малютке и преклонение перед ней, в коей течет царская кровь Египта и Вавилона. Каково же будет приветствие царице и матери, о прорицатель, по велению коего мы попали сюда, в это мрачное место, обиталище заговорщиков, чьи намерения неизвестны?

Рои поднялся со своего трона, стоявшего пред алтарем и, приблизившись к убитой горем царице, взял ее руку и поцеловал.

– Для Вашего Величества я не нахожу приветствия, – произнес старец, склонив свою убеленную сединами голову, – ибо я вижу ваше приобщение у тому, кто сильнее меня. – И Рои поклонился в сторону величавого изваяния Осириса, глядевшего на них из-за алтаря.

– Я знаю, – отвечала царица со слабой улыбкой.

– Но мне доложили, что прошлой ночью Вашему Величеству было видение. Так ли это? – продолжил Рои.

– Да, прорицатель, хотя мне непонятно, кто мог донести тебе об этом?

– Не все ли равно, как я узнал? Куда важнее то, что мне надлежит поведать Вашему Величеству: сон ваш – не греза, взлелеенная человеческими надеждами и ожиданиями, но истина. О царица, сей мир и его страдания – лишь тень и жалкое зрелище; над ними, подобно пирамидам, высящимся над песками и пальмами, – над всем земным возносится вечная истина по имени Любовь. Пески сметает ветер, пальмы порой бури вырывают с корнем, либо, принеся плоды, они стареют и гибнут, одни лишь пирамиды вечны.

– Я поняла и благодарна тебе, прорицатель. А теперь выведи меня отсюда, я очень утомлена.

На третью ночь после этой беседы Рима, чувствуя, что терзавшая ее лихорадка сделала свое дело и пришло время прощаться с земным миром, послала за прорицателем. Рои пришел немедленно, и Рима обратилась к нему с такими словами:

– Не знаю, кто ты, не знаю, что это за Община Зари, о которой ты говоришь, и какие у нее цели; не знаю, зачем повелел ты доставить сюда наследницу престола Египта, не ведомо мне, каким богам ты служишь, ибо мне еще немного открылось в вашей вере, хотя это истинная правда – две египетские богини явились мне в видении в ночь рождения моего дитя. Но вот

что добавлю: сердце говорит, что ты человек праведный, и сама судьба предназначила тебе быть прорицателем, чтоб исполнять ее волю; думаю, что и ты, и люди вокруг тебя, – вы затеиваете что-то во благо царевне, которой, если есть справедливость на земле, суждено в будущем стать царицей Египта. Полагаюсь на волю Небес; сама же я, совершив все, что могла, умираю несчастная и бессильная. Случится то, что должно, и слова здесь излишни. Но от тебя я требую клятву, Рои, и от Тау, а также от всех братьев и сестер, что подвластны тебе. Вы набальзамируете мое тело так, как это умеют делать в Египте, а когда представится на то случай, отправьте его Дитане, царю Вавилона, моему отцу, или тому, кто сменил его: на груди моей должен лежать свиток, куда я записала мою предсмертную волю; и если то будет возможно, пусть моя дочь, наследная царевна престола Египта, сопроводит мои останки к родительскому дому. Я жду клятвы и в том, что царю Вавилона передадут: я заклинаю во имя наших богов и нашей общей кровью отмстить за беды, что претерпела в Египте, за смерть моего возлюбленного господина, супруга моего, царя Хеперра. Я взываю к отцу своему, чтобы он, – под страхом мести моего духа, – обрушился со всем своим войском на Египет, дабы истребить псов гиксосов, а дочь мою, царевну Нефрет, посадить на трон Египта; изменников же схватить и покарать. Вот клятва, что я требую от тебя.

– Царица, – возражал ей Рои, – клятва эта мне не по душе; исполнение ее приведет к войне, а мы, сыновья и дочери Общины Зари, – ибо Гармахис, который в образе Сфинкса сторожит наши врата, есть бог Зари, – мы жаждем мира, а не войны. Прощение, а не месть – вот закон, которому мы следуем. Правда, мы желаем, если удастся, свергнуть царей-гиксосов и восстановить Египет в тех пределах, что существовали при законных его правителях, чьей наследницей явилась к нам царевна Нефрет. А если откажут нам боги в большем, объединить Север и Юг, дабы Египет усилил свою мощь и величие и залечил раны.

– Объединения ищут и гиксосы, – тихо отозвалась Рима.

– Да, но они желают впрямь Египет в ярмо; мы же хотим сбросить это ярмо не мечом. Гиксосов множество, но народа Египта еще больше, и если оба народа сольются, добрая египетская пшеница заглушит сорняк гиксосов. Кое-что сделано, уже цари-гиксосы поклоняются египетским богам, чьи алтари они некогда разрушили, они перенимают уже законы и обычаи Египта.

– Может быть и так, пророк, и в конце концов все придет к тому, чего ты желаешь. Но в моих жилах течет иная кровь, чем у вас, кротких египтян. Тяжкие страдания выпали на мою долю: супруга моего убили; те, кому я верила, хотели продать меня и дочь мою в рабство. Вот почему я ищу возмездия, хоть и не придется самой мне увидеть, как свершится оно. Не мягкими речами и не дальними расчетами хочу я восстановить справедливость, а копьями и стрелами. Тело мое немощно и конец близок, но душа моя в огне. Я знаю, что все ваши надежды, так же как и мои собственные, связаны с моей дочерью, и дух мой говорит мне, как лучше всего их осуществить. Принесете ли вы клятву? Отвечайте и не медлите. Если нет, я, возможно, найду другого защитника. Что, если я возьму малютку с собой, пророк, чтобы искать защиты у небесного судьи? Кажется, я могу еще это сделать.

На этот раз Рои вник в мысли Рима и понял, что она в отчаянии.

– Я должен испросить совета у того, кому служу, – отвечал он. – Быть может, он ниспешлет мне прозрень.

– А если и я и она умрем прежде, чем ты испросишь совет, пророк? Ты полагаешь, что сможешь завладеть моим дитя, но ты не знаешь что в последней воле матери заключается огромная сила. Ведь у нас, вавилонян, тоже есть тайны: в свой смертный час мы можем взять с собою тех, кто рожден нами.

– Не страшись, царица, у меня тоже есть тайны; Осирис не сейчас еще призовет тебя.

– Верю, прорицатель, в таких делах ты не стал бы лгать. Испроси совета у своего бога и скорей возвращайся.

Незадолго до рассвета Рои вернулся вместе с Тау в опочивальню, где витала смерть; с ними была и первая жрица Общины Зари. Рима, полулежа на подушках, ожидала его.

– Ты сказал правду, прорицатель, – промолвила она, – я чувствую себя крепче, нежели вчера. Но поспеши, ибо сила моя подобно вспышке угасающего светильника. Говори и будь краток.

– Царица, – обратился к ней прорицатель, – я получил совет от властелина, коему служу, кто направляет мои шаги здесь, на земле. Он милостиво сообразовал отозваться на мои молитвы.

– Каков же ответ, прорицатель? – спросила Рима с нетерпением.

– Вот он, царица: от имени Общины Зари, где я властвую, в присутствии моих приближенных, – тут Рои указал на Тау и жрицу, – я приношу клятву, которую ты пожелала, ибо так мы лучше всего достигнем цели. Клянусь во имя Духа, что превыше всех богов, твоего и моего Ка, во имя младенца, кого уже теперь мы почитаем здесь царицей, – я клянусь, что при первой возможности, – которой, надеюсь, не придется долго ждать, – тело твое будет доставлено в Вавилон, а послание твое – его царю, и возможно, он услышит его из уст твоей дочери. Твоя воля и полученное мною предсказание внесены в эту грамоту, которую сейчас прочтут тебе; скрепленная тобою, она будет послана царю Вавилона, равно как и запись клятвы, опечатанная мною и Тау, преемником моим.

– Читай, – сказала царица. – Нет, пусть прочтет Кемма, которая тоже обучена чтению.

Кемма начала читать с помощью Тау.

– Все это верно, – промолвила Рима. – Но добавьте еще вот что: если отец мой, царственный Дитана, или тот, кто взойдет на трон за ним, откажутся исполнить последнее моление мое, я призову проклятья всех богов Вавилона на его народ; я, Рима, стану преследовать его всю его жизнь и призову к ответу, когда мы встретимся в царстве мертвых.

– Пусть так, – отозвался Рои, – хотя слова твои не добры. Все же, Тау, запиши их: умирающим должно повиноваться.

Тау присел на пол и начал писать, держа свиток на колене. Потом принесли воск, смешанный с глиной. Рима сбросила с похудевшего пальца кольцо с вырезанной на нем фигурой вавилонского бога и прижала его к воску, а Кемма как свидетельница запечатала свиток скарабеем, висевшим у нее на груди.

– Положите это послание вместе с кольцом среди пелен, когда будете обертывать мое тело, чтобы царь вавилонский нашел его в моей мумии, и второе такое же спрячьте в надежное место, – сказала Рима.

– Так и будет сделано, – согласился Рои.

Он ждал. Но вот, точно сияющие стрелы, ударили в окно первые лучи восходящего солнца, а с ними вдруг сила влилась в Риму – она взяла на руки дочь и подняла вверх, в золотистое солнечное сияние.

– Царевна Зари! – вскричала она. – Пусть же заря осияет и коронует тебя! И да будут исполнены величия дни твоего царствования, о Владычица Зари, и прославишься ты в веках, а наступит ночь, и снова припадешь ты к груди моей.

Глава VI. НЕФРЕТ ПОКОРЯЕТ ПИРАМИДЫ

Удивительно, поистине удивительно открывалась Книга жизни юной Нефрет, наследницы древней династии фараонов Египта. Оглядываясь потом на свои детские годы, Нефрет вспоминала только высокие колонны в огромных залах, взирающие на нее каменные изваяния и причудливые фигуры на стенах, высеченные или нарисованные, которые, казалось, обречены вечно следовать друг за другом из тьмы в тьму. Далее возникало видение мужчин и женщин в белых одеяниях, время от времени они собирались в этих залах и пели печальные мелодичные песни; отзвуки этих песен потом еще долгие годы слышались ей во сне. Появлялась в этих воспоминаниях и высокая, статная госпожа Кемма, ее воспитательница, которую она очень любила, хотя и побаивалась немного, и великан-эфиоп, по имени Ру, с большим бронзовым топором в руке, который, похоже, не отходил от нее ни днем, ни ночью и которого она тоже очень любила, но ничуть не боялась.

И еще одно видение вставало перед глазами – и первые два почтительно отступали перед ним: седобородый старец с черными, пронизательными глазами, Пророк – так все вокруг его называли и поклонялись ему, точно божеству. Она вспоминала, как иной раз вдруг проснулась ночью и видела его, склонившегося над ее кроватью, с лампадой в руке, или как в дневное время, повстречав ее в темных проходах храма, он благословлял ее. Маленькой девочке казалось, что он – привидение и надо скрыться поскорее от него, хотя и доброе привидение, потому что иной раз он давал ей вкусные сладкие фрукты и даже цветы, которые нес в корзине слугитель.

Миновало младенчество, наступила пора детства. Все те же залы были вокруг, все те же люди заполняли их, но теперь иногда вместе с ее воспитательницей Кеммой, в сопровождении великана Ру и других слугителей, ей позволялось побродить около пирамид, чаще всего ночью, когда в небе светила полная луна. Так, в лунном свете, она впервые увидела наводящего ужас льва-сфинкса, возвышающегося над пустыней. Поначалу она испугалась каменного зверя с человеческим лицом, разрисованным в красный цвет, в царском головном уборе и с бородой. Но позднее, привыкнув к этому зрелищу, она даже полюбила величественное изваяние, ей казалось, что в улыбке Сфинкса светится дружелюбие, а огромные спокойные глаза так внимательно смотрят в небо, словно разгадывают какие-то тайны. Иной раз она отсылала Кемму и Ру на некоторое расстояние, а сама садилась на песок и поверяла Сфинксу свои детские заботы, советовалась с ним, задавала ему вопросы, на которые сама же и отвечала, потому что с громадных каменных уст не слетало ни единого слова.

Позади Сфинкса высились величественные пирамиды – три главных, которые вонзались своими вершинами в самое небо, с храмами у подножия – в них когда-то поклонялись мертвым царям – и другие пирамиды, поменьше, как представлялось Нефрет, пирамиды царских детей. Она восхищалась пирамидами, считая, что их сотворили боги, но потом ее наставник Тау сказал, что их построили люди, чтобы хоронить в них царей.

– Должно быть, то были великие цари, если у них такие могилы. Как бы мне хотелось поглядеть на них! – сказала Нефрет.

– Когда-нибудь ты, быть может, и увидишь их, – ответил ей Тау, который был очень мудр и многому обучал ее.

Кроме Нефрет жили здесь и другие дети, рожденные в семьях членов Общины. Все они посещали школу, с ними вместе училась и Нефрет; рели уроки в этой школе посвященные. Вообще-то, за малым исключением, все члены Братства равно владели знаниями, хотя слуги Общины и те, кто возделывали поля неподалеку от Сфинкса и жили в поселениях вдоль границ больших некрополей, казалось бы, ничем не отличались от самых обыкновенных землепашцев. По их виду никто бы и не догадался, что они принимают участие в таинствах, по которым они

дали торжественную клятву ничего не рассказывать и оставались верны этой клятве даже под угрозой смерти и пыток.

Скоро Нефрет стала лучшей ученицей в школе, и не потому, что она была выше других по рождению, а по той причине, что была куда сообразительнее, ее восприимчивый ум впитывал знания, как сухое руно впитывает росу. При всем том, случись кому-то посетить школу и понаблюдать, как дети слушают учителя или, сидя на табуретках, копируют египетские письма, переписывая их на глиняные черепки или клочки папируса, отличить ее от других девочек было трудно, может, лишь бросалось в глаза то, что Нефрет всегда сидела впереди и было что-то особенное в ее лице. На ней было такое же простое белое одеяние, что и на ее сверстницах, такие же простые сандалии, защищавшие ноги от камней и скорпионов, в такой же пучок были стянуты ее волосы. Ибо так было установлено в Общине: ни одеждой, ни украшениями она не должна была выделяться среди других детей.

Обучение Нефрет не ограничивалось школьными уроками, в послеполуденные часы и в дни отдыха она постигала более глубокую науку. В небольшой комнате, которая когда-то служила спальней жрецу храма, Тау, в присутствии Кеммы, учил ее тому, чему не учили других детей, и посвящал в таинства их веры.

Так, он научил ее вавилонскому языку и письму, рассказал о движении звезд и планет, открыл таинства религии, объяснив, что все боги священнослужители – лишь символы незримой Силы, символы Духа, который правит всем и присутствует всюду, даже в ее собственном сердце. Он открыл ей, что плоть – это земная оболочка души и что между плотью и душой идет вечная борьба, что на земле она живет, дабы исполнить то предназначение, что определил ей всемогущий Дух, который создал ее; к нему когда-то в будущем, в назначенный день, она должна будет возвратиться, чтобы снова быть посланной в этот или другие миры, но предугадать его намерения не дано никому, даже мудрейшему из смертных. В те часы, когда Тау занимался с Нефрет, а она внимательно слушала его, случалось, в комнату заглядывал пророк Рои и тоже слушал, вставляя слово то тут, то там, а затем, подняв руку, благословлял Нефрет и уходил.

Так, хотя внешне Нефрет почти что ничем не отличалась от остальных детей и так же играла и веселилась, она все же была другой, и душа ее раскрывалась, точно цветок лотоса навстречу солнечным лучам.

Шли годы, и из ребенка Нефрет превратилась в высокую, ласковую и очень красивую девушку. Только в эту пору ее жизни Рои и Тау, в присутствии одной лишь Кеммы, открыли ей, кто она такая: наследная царевна Египта по крови и предначертанию Небес. Они поведали ей, кто были ее отец и мать, а также рассказали о поколениях фараонов, что правили Египтом до них, и про разделение египетских земель.

Услышав все это, Нефрет задрожала, и из глаз ее полились слезы.

– Увы, зачем так должно было случиться! – воскликнула она. – Теперь я уже не могу быть счастливой. Скажи мне, святой отец, кого люди называют вместилищем духов и кто, как они говорят, может общаться с ними во сне, – скажи, как может несчастная девушка исправить столько бед и установить мир там, где безумствуют жестокость и кровопролитие?

– Царевна, – сказал Рои, впервые обращаясь к ней как к царского рода особе. – Это не ведомо мне и никому другому. Все же нам дано знать, что каким-то неведомым образом ты совершишь все это. То же было явлено в видении и твоей матери, царице Рима, при твоём рождении, ибо в этом видении та ипостась Вселенского Духа, которую мы в Египте знаем как Мать Исиду, явилась к ней и в числе прочих даров нарекла тебя, царское дитя, высоким именем Объединительницы Земель.

Тут Кемма подумала про себя, что вместе с Исидой явилась и другая богиня и дала малютке другие дары, и хотя вслух Кемма ничего не сказала, Рои, казалось, прочел ее мысли, потому продолжал так:

– Про тот сон и чудеса, которые свершились при твоём рождении, расскажет воспитательница Кемма – таково веление свыше. Она же покажет тебе и запись всех этих событий, сделанную в то время и скрепленную печатью, и еще одну запись – клятву, которую я и члены нашей Общины дали твоей матери, царице Рима, пред ее смертным одром, в том, что в должное время ты совершишь путешествие. Но довольно об этом. Теперь, по велению свыше, я должен сообщить тебе, что в один из грядущих дней, о котором я объявлю особо, когда мне будет дана о нем весть, на пороге своей зрелости ты будешь коронована и станешь царицей Египта.

– Может ли это быть? – спросила Нефрет. – Царей и цариц коронуют в храмах, так мне рассказывали, в присутствии множества придворных, торжественно и шумно. Здесь же... – И Нефрет огляделась вокруг.

– Разве это не храм, Нефрет, и притом один из самых древних и священных в Египте? – спросил Рои. – Что же до остального, то слушай. С виду мы всего лишь скромное Братство, избравшее жилищем гробницы и пирамиды, к которым мало кто осмеливается приблизиться, ибо считают, что здесь обитают призраки и чужестранец, осквернивший их святость, лишится не только жизни, но погибнет и его душа. Но я должен открыть тебе, что наша Община Зари могущественнее царя гиксосов и всех, кто покорился и стал поддерживать его, о чем ты и узнаешь вскоре, когда примешь посвящение. Братья наши находятся повсюду, во всех землях – от нильских порогов до самого моря, да и за морем живут наши почитатели и ученики и, мы верим, на Небесах – тоже; и каждый из них в отдельности и все они вместе повинуются велениям, которые исходят из этих катакомб, и принимают их как глас божий.

– Если так, всеумудрый пророк, почему же ты скрываешься среди этих гробниц, а не бываешь открыто в Танисе?

– Потому, царевна, что видимая власть во всем ее великолепии и пышности может быть завоевана лишь в войне; мы же, чье царство есть царство духа, дали обет никогда не вести войн. Может быть, в конце концов нам суждено будет повести войну и тем все и завершится. Но не наше Братство поднимет боевые знамена, мы, если только не будем вынуждены защищаться, не пошлем людей на смерть, ибо наша вера – мир и добро.

– Твои слова полнят мое сердце радостью, – сказала Нефрет, – но теперь позволь мне, о благочестивый пророк, уйти к себе, я так взволнована, что мне нужно отдохнуть.

Год или чуть более спустя после того дня, как Нефрет была открыта тайна ее рождения, но еще до того как состоялись торжества, о которых ей было возведено, жизнь ее подверглась страшной опасности.

С недавних пор у Нефрет вошло в привычку бродить неподалеку от пирамид, меж гробниц, где покоились знатные люди и царевичи Египта. За тысячу лет, а может быть, и больше, до ее рождения ушли они из жизни земной, так давно это было, что теперь уже никто и не помнил имен тех, кто спал под этими надгробьями. Нефрет любила совершать эти прогулки в одиночестве, если не считать ее телохранителя Ру, ну а Кемма постарела за эти годы, и ей трудно было перешагивать через камни и брести по сыпучему песку.

К тому же Нефрет теперь полюбила одиночество, ей нужно было обдумать то, о чем поведал ей пророк Рои, привыкнуть к нежданному величию, что обрушилось на нее.

Да и сильное юное тело ее жаждало движения, ей наскучили тесные пределы храма и ближних его окрестностей. Нефрет любила высоту, ей хотелось подняться высоко-высоко и сверху озирать раскинувшиеся вокруг пространства. Когда же она попробовала взобраться на самую вершину огромных монументов и даже на небольшие пирамиды, то обнаружила, что делает это с легкостью, ноги у нее не дрожали и голова не кружилась, и это стало ее любимым занятием.

О странной причуде Нефрет Ру и те, кто видел эти ее восхождения, доложили Кемме, а она, поняв, что юная царевна вовсе не склонна прислушиваться к ее увещаниям, сообщила

Рои и Тау. Тут впервые Нефрет рассердилась на свою воспитательницу и напомнила ей, что она уже не ребенок, которого надо водить за ручку.

Рои и Тау посовещались между собой, а затем, как было у них установлено, обратились за советом к Духу, который, как они объявили, направлял их во всех делах.

Кончилось все тем, что пророк Рои приказал своей внучатой племяннице Кемме не выговаривать больше царевне, а позволить гулять, где ей заблагорассудится, и взбираться, куда она захочет, ибо Дух открыл Рои, что, может, кто и пострадает от этого, но только не Нефрет.

– Коль скоро царевне ничто не грозит, не надо ей препятствовать в таких малостях, племянница, – заключил Рои. – Ни один гиксос и никакой другой враг не осмелятся даже приблизиться к обиталищу призраков. К тому же ее сопровождает Ру, и беседует она не с каким-то мужчиной, а лишь со своей собственной душой.

– Всегда находится смельчак, которому неведом страх других, и неизвестно, кого Нефрет может повстречать, с кем она станет говорить, а когда мы узнаем, будет уже поздно, – возражала ему Кемма.

– Тебе сказано, племянница: не препятствуй, – повторил Рои.

Одержав победу, юная Нефрет, характер которой отличался упорством, продолжала свои прогулки по некрополю и достигла даже большего, чем ожидала.

Среди тех, кто служил Общине Зари, была семья бедуина, в которой из поколения в поколение мужчины владели искусством восхождения на пирамиды. Эти смельчаки, пользуясь трещинами в мраморных плитах пирамид, цеплялись за выступы и приныкая к выемкам, что выдолбили за тысячелетия несущие песок ветры, искусно взбирались на самую вершину пирамиды. Так, начав с малых пирамид, они повторяли свои попытки до тех пор, пока не одолевали самые высокие, и лишь тогда им разрешалось жениться и обзавестись семьей. С главой этого рода Нефрет не раз беседовала, и, к ее удовольствию, время от времени он с сыновьями понимался у нее на глазах на три самые большие пирамиды и они благополучно возвращались из своего головокружительного путешествия.

– Почему бы и мне не подняться, если вы можете? – в конце концов спросила она его. – Я легкая, и нога моя ступает твердо, голова не кружится от высоты, и руки у меня не короче ваших.

Хранитель пирамид – ибо таково было звание главы рода – с удивлением взглянул на нее и покачал головой.

– Это невозможно, – сказал он. – Никогда еще женщина не поднималась на эти каменные горы, если не считать Духа пирамид – только она может это делать.

– Кто это – Дух пирамид? – спросила Нефрет.

– Мы не знаем госпожа, – отвечал Хранитель. – Мы никогда ни о чем ее не спрашиваем, а если видим в полнолуние, как она скользит по пирамиде, то закрываем лицо покрывалом.

– Отчего же вы закрываете лица, Хранитель?

– Оттого, что если мы не сделаем этого, нами овладеет безумие. Так случилось с теми, кто взглянул ей в глаза.

– Но отчего же они стали безумными?

– Несказанная красота порождает безумие, и придет время, может, ты в этом удостоверись, госпожа, – ответил он, а у Нефрет от этих слов краска прилила к щекам.

– Кто же она – этот Дух? – поспешно продолжала она свои расспросы. – И что она тут делает?

– Никто не знает этого наверняка, но существует предание, что в давние времена правила этой землей незамужняя царица, а замуж она не хотела выходить потому, что любила простолюдина. Случилось так, что на земли наши хлынули чужестранцы и захватили Египет, – он тогда разделился на части и от этого совсем потерял силу. Чужестранный царь, увидев, какая красавица царица Египта, и желая упрочить свою мощь и власть, решил во что бы то ни стало

жениться на ней, пусть даже насильно. Но царица убежала от него и в отчаянии поднялась на самую высокую пирамиду. Он последовал за ней. Достигнув вершины, она бросилась оттуда вниз и разбилась, а царя, когда он увидел это, охватили страх и слабость, и он тоже упал на землю и умер. Обоих их похоронили в тайной усыпальнице в одной из этих пирамид – никто не знает, в какой точно, но мне кажется, во второй, потому что на ней чаще всего появляется Дух.

– Красивая легенда, – сказала Нефрет. – И это все?

– Не совсем, госпожа, потому что с ней связано пророчество. Вот слушай: когда другой царь станет подниматься по пирамиде вслед за другой царицей Египта и упадет, но не разобьется, он завоюет ее любовь, – и тогда Дух мести, который обуял когда-то древнюю царицу, отчего она бросилась вниз, успокоится и не будет больше губить мужчин.

– Я хочу увидеть этого Духа, – сказала Нефрет. – Я женщина, и она не сможет навести на меня безумие.

– Думаю, она не покажется тебе, госпожа. Хотя, быть может, она захочет завладеть твоей душой для каких-то своих целей, – задумчиво прибавил он.

– Моя душа принадлежит мне одной, и никто не сможет овладеть ею, – ответила Нефрет, рассердившись. – Но я и не верю, что есть такой Дух, а ты и прочие глупцы видели всего лишь лунный отсвет, скользкий среди гробниц. Не рассказывай мне больше пустых историй!

– Тут, в некрополе, живут два безумца, которые лучше, чем я, рассказали бы тебе, госпожа моя, об этой лунной тени. А может быть, оно и так, как ты говоришь, – сказал Хранитель, – и низко поклонился, как кланялись в древности на Востоке своим повелителям. – Может быть, ты права. Принимай это как хочешь. – Он хотел было удалиться.

– погоди, – остановила его Нефрет. – Я хочу, чтобы ты научил меня подниматься на пирамиды, потому что ты самый искусный и изучил их лучше, чем твои сыновья. Начнем с третьей – она поменьше других, и начнем сейчас же. А потом, когда я немного освоюсь, поднимемся и на другие.

Хранитель в удивлении воззрился на нее, а затем сказал, что не может выполнить это ее желание.

– Разве ты не получил наказа благочестивого пророка Рои и Совета Общины во всем мне повиноваться? – спросила его Нефрет.

– Это так, госпожа, я получал такое приказание, хотя и не понимаю, почему я должен повиноваться тебе.

– Я и сама не совсем понимаю – почему, ведь ты можешь взбираться на пирамиды, а я не могу, и значит, ты превосходишь меня. Но приказание есть приказание, и ты знаешь, что случается с теми, кто не выполняет распоряжений Совета. Начнем же.

Хранитель уговаривал ее, умолял и чуть не плакал, но добился лишь того, что Нефрет сказала:

– Если ты боишься подняться на эту пирамиду, я поднимусь одна. Но ты знаешь – я могу упасть.

В конце концов огорченный Хранитель позвал своего сына, сильного, гибкого юношу, который, точно горный козел, легко взбегал на пирамиды, и велел ему принести длинную веревку, свитую из пальмовых волокон, и этой веревкой обвязал он тонкую талию Нефрет. Но теперь возникло новое препятствие: Ру, который до тех пор с удивлением слушал их разговор, спросил, что он делает и почему он обвязывает госпожу веревкой, точно какую-то рабыню.

Хранитель стал ему объяснять, а Нефрет согласно кивала.

– Но это невозможно, – сказал Ру. – Мой долг – повсюду сопровождать знатную госпожу.

– В таком случае, друг мой Ру, – сказала Нефрет, – поднимись вместе со мной на пирамиду.

– На пирамиду? – Ру обиженно насупил. – Взгляни на меня, прошу тебя, госпожа, и ответь: что я – кот или обезьяна, чтобы по гладкому камню взобраться с земли на небо? Да я

не поднимусь и на длину этой веревки, как упаду вниз и сломаю шею. Лучше я одной рукой сражусь с десятком вражеских воинов, чем поддамся такому безумию.

– Что верно, то верно. Пожалуй, никогда не побывать тебе на пирамиде, друг мой Ру, – сказала Нефрет, окидывая взглядом исполина-эфиопа, который с годами ничуть не изменился. – А потому оставь пустые разговоры, и не будем зря тратить время. Если ты не можешь подняться на пирамиду, стой внизу, вдруг я поскользнусь и упаду, тогда лови меня.

– Ловить тебя, госпожа?! Если ты упадешь?! – У Ру даже дыхание перехватило.

Не сказав больше ин слова, Нефрет направилась к подножию третьей пирамиды, на которую Хранитель, также не говоря ни слова, начал уже подниматься по знакомому пути, укрепив на себе второй конец веревки, которой он обвязал Нефрет. Скинув сандалии и подобрав тунику до колен, как велел Хранитель, она начала подниматься вслед за ним, а чуть ниже Нефрет поднимался сын Хранителя, следивший за каждым ее движением.

– Слушайте мои слова, вы, отец и сын! – простонал Ру. – Если вы допустите, чтобы моя госпожа поскользнулась и упала, лучше вам не спускаться вниз, потому что я убью вас обоих. Оставайтесь тогда наверху до конца вашей жизни!

– Если она упадет, упадем и мы. Но боги свидетели – моей вины в том не будет, – отвечал Хранитель, прильнув к склону пирамиды.

Тут сразу же следует сказать, что Нефрет показала себя способной ученицей. Глаза у нее были зоркие, как у ястреба, смелостью она не уступала льву, а ловкостью – обезьяне.

Она поднималась все выше и выше, ухватываясь за те щели, за которые ухватывался ее проводник, и ставя ноги точно в те места, куда ставил он; так они поднялись до середины пирамиды.

– Достаточно на сегодня, – сказал Хранитель пирамид. – Ни один новичок из нашего рода не идет в первый раз дальше – это правило. Отдохнем здесь немного, а потом начнем спуск. Мой сын будет ставить тебе ноги, куда надо.

– Повинуюсь тебе, – отвечала Нефрет и так же, как ее проводник, обернулась назад – под ней простиралась пустота, только где-то далеко-далеко внизу стоял на песке казавшийся совсем маленьким Ру. И тут впервые она почувствовала головокружение.

– У меня кружится голова, – тихо сказала она.

– Обернись назад, к пирамиде, – сказал Хранитель размеренно-спокойным голосом, стараясь скрыть охвативший его страх.

Нефрет повиновалась, и сила и воля вновь вернулись к ней.

– Все в порядке, – сказала она.

– Тогда, госпожа, повернись еще раз, потому что, не сделав этого теперь, ты не сделаешь никогда.

Она снова повиновалась, и – о, радость! – она уже не испугалась высоты, душа ее победила страх. Спуск после этого прошел легко, потому что она могла бросить взгляд, куда ставить ногу, в какую расщелину или излом горячего блестящего мрамора, да и юноша, спускавшийся впереди нее, знал все эти расселины наизусть и говорил ей, куда ступать. Так они благополучно спустились на землю; Нефрет немного посидела, чтобы отдышаться; она с улыбкой смотрела на Ру: у того глаза вылезли из орбит – так он напугался, и он все отирал пот со лба краем своего одеяния.

– Может, довольно с тебя пирамид, госпожа? – спросил Хранитель, освобождая ее от веревки.

– Ну уж нет, – отвечала Нефрет, вскочив с песка и потирая саднящие руки. – Мне понравилось, и я не успокоюсь, пока не научусь подниматься на них одна, в свете луны, как, говорят, можешь делать ты.

– Исида! Мать Небес! – воскликнул Хранитель, простирая вверх руки. – Нет, ты не смертная дева, ты, наверное, богиня; может быть, ты и есть Дух пирамид, обретшая облик смертной?

– Ты угадал, – отвечала ему Нефрет. – И я так думаю: я – Дух пирамид. А потому не соблаговолишь ли ты встретить меня завтра здесь, в то же время? Надеюсь, завтра мы поднимемся на самую вершину малой пирамиды.

И пока растерявшийся Хранитель собирался с ответом, Нефрет надела сандалии и удалилась в сопровождении Ру, который от волнения утратил дар речи.

Так все началось, а затем Нефрет исполнила свой зарок. На время все ее помыслы, сила, воля сосредоточились на одном: покорении пирамид. Пусть это была скромная цель, на заре девичьей зрелости, но она поглотила Нефрет целиком. Ей сообщили, что по рождению она – царица Египта. Это не так уж глубоко взволновало ее; здесь, среди покинутых храмов и гробниц, царствование над Египтом казалось ей несбыточной мечтой, во всяком случае, если это и было предопределено ей судьбой, то в далеком будущем. Пирамиды же были здесь, перед ней, и пока что ей хотелось стать Владычицей пирамид, которые, как ей тоже было сказано, ее далекие предки воздвигли для своего погребения.

К тому же рассказ о царственной красавице, появляющейся на пирамиде в лунные ночи, возбудил в ней любопытство. Неужели это дух ее бродит по ночам? Молодые люди склонны быть доверчивыми, когда речь идет о любви, и Нефрет была просто зачарована этой печальной историей. Воображение рисовало ей, как молодая дева, которая так же, как и она, научилась подниматься на пирамиды и так же суждено ей было стать царицей, стремительно всходит на вершину самой высокой из них и бросается оттуда вниз, лишь бы избежать страшной участи и не стать женой человека, которого она ненавидит и который поверг в прах ее родную страну; и так она, побежденная, обрекает на смерть победителя. Особенно же волновал Нефрет конец легенды: настанет день, и другая прекрасная молодая царица, преследуемая другим влюбленным в нее чужестранцем, взбежит на вершину пирамиды, и там, на краю бездны, любовь победит вражду, и на страну, за власть над которой они сражались, снизойдет благословение.

Нефрет еще ничего не знала о любви, и все же природа берет свое, пробуждаясь даже в малом ребенке. Нефрет догадывалась, о чем повествует эта красивая сказка, и душа ее просыпалась навстречу будущему. Но пока что ею владело лишь одно желание – достичь того, что считалось невозможным для женщины: покорить пирамиды; в ту пору она не отдавала себе отчета в том, что для нее это было еще и символом: взойдет она на вершину пирамиды, и тогда ей, сильной духом и телом, не страшны еще более трудные дела и куда более страшные опасности, которые, быть может, ожидают ее в будущем.

В тот же год Нефрет овладело желание молиться, потребность проникнуть в тайну общения с тем, кто поставлен над родом людским, с тем, кого жители земные зовут Богом, и не Рои с Тау внушили ей это желание – то было веление души. Более всего на свете жаждала теперь Нефрет общения с Богом; странная мечта овладела ею – быть может, иные сочли бы это за безумие, но такие мечтания довольно часто овладевают юношами и девушками на пороге зрелости – или зрелыми людьми на пороге старости, в те сумеречные годы, что предшествуют приходу смертной тьмы. Точно мираж являлся ей, точно видение Истины – ей все время чудилось, что Высший Дух, который витает над ней и над всем миром, лучше услышит ее молитвы и станет внимать ей, если она в полном одиночестве обратит к нему свои молитвы с вершин пирамид. Быть может, то была причуда, но вело к ней чистое и достойное побуждение. И в конце концов Нефрет осуществила свою мечту: спустя год она могла подниматься на все пирамиды в полном одиночестве.

Хранитель пирамид и его сыновья, чье искусство и ловкость передавались из поколения в поколение, дабы они побеждали в состязаниях и получали награды, лишь удивлялись этому и чувствовали себя несколько уязвленными: эта девушка не только сровнялась с ними, но, пожалуй, даже превзошла их в столь трудном искусстве.

В самом начале обучения Совет Общины, встревоженный сообщениями Ру и Кеммы о странном капризе, который овладел их подопечной, чью драгоценную жизнь они были обязаны

денно и ночью охранять, призвал Хранителя и его сыновей и спросил, велика ли опасность. Для тех, кому дан этот дар, – никакой, отвечали они, и подтверждением тому шесть поколений их рода: ни один человек в их роду не умер от падения с пирамиды. Иное дело с теми, кто не принадлежал их роду, продолжал Хранитель, для всех других, кто хотел проникнуть в секрет их искусства, это окончилось печально. Ответ Хранителя испугал Совет. Однако Рои открыл ему, что Нефрет не дано препятствовать в ее увлечении, сама же она упорно совершенствовалась в этом искусстве, и никакой беды с ней не случилось. Наконец настало время, когда Нефрет, при свете ли дня или при свете луны, могла взойти на вершину любой из пирамид так же быстро, как сам Хранитель и его сыновья.

Тогда Хранитель и его сыновья преклонились перед Нефрет и обратились к ней с просьбой стать их предводителем, ибо она превзошла их всех. Однако Нефрет лишь засмеялась в ответ и сказала, что это вовсе ничего не значит и она не станет их предводителем, а прикажет, чтобы им дали награды, которые она сама назначит. После этого ей была предоставлена полная свобода, теперь она могла одна, без сопровождения Хранителя и его сыновей, подниматься, когда она захочет, на любую из пирамид.

Но вот тогда-то и случилось тревожное происшествие.

Глава VII. ЗАМЫСЕЛ ВЕЗИРА

Как уже было сказано, Нефрет, когда ей овладевало желание помолиться, поднималась на одну из пирамид на восходе или перед закатом солнца и, стоя в полнейшем одиночестве на маленькой площадке на самом верху, обращалась к богам. Иной раз она не молилась, а лишь, блуждая взором по раскинувшимся вокруг пространствам, раздумывала над уготованной ей судьбой или предавалась девичьим мечтаниям.

Об этой ее привычке стало известно не только членам Общины и ее служителям, но и жителям окрестных земель и странникам, путешествовавшим неподалеку от границ Святой Земли – так называли местность, где расположилась Община Зари и чьи границы не осмеливался переступить ни один чужестранец. Да и как было не пойти молве: стройная фигура Нефрет словно парила между небом и землей, ясно вырисовываясь на голубом небосклоне ранним утром и на закате; при разливах ее было видно даже с самого Нила. Люди говорили, что это сам Дух пирамид предвещает Египту тревожные времена, ибо никто не верил, что земная женщина может решиться подняться так высоко на пирамиду, что ей хватит силы и ловкости, точно ящерице, скользить вверх по гладкому мрамору.

Скоро весть об этом чудесном явлении дошла до Таниса.

Как-то под вечер Нефрет поднялась на вершину второй пирамиды и начала было уже спускаться своим обычным путем, однако, заметив, что смеркается, выбрала более короткий спуск – не по южной стороне, где ее ожидал Ру, а повернула на западный склон, который все еще освещался солнцем. Легко спрыгнув на песок, она поискала взглядом Ру, но вместо него увидела четверых приближающихся к ней мужчин, на которых она поначалу не обратила внимания, в сумерках приняв их за Хранителя пирамид и его сыновей; она подумала, что они хотят расспросить ее о новом спуске, который она отыскала на западном склоне пирамиды. Потому она спокойно стояла, а они подходили все ближе, затем приостановились, словно чего-то опасаясь, и тут чей-то голос выкрикнул:

– Женщина то иди дух – хватайте ее! Только бы она не убежала от нас! Помните о большой награде – хватайте ее!

Ободренные таким образом, неизвестные бросились к ней. Осознав опасность, Нефрет резко повернулась и начала снова взбираться на пирамиду, она уже поднялась на несколько локтей, но тут один из чужестранцев ухватил ее за лодыжку и стянул вниз.

– Ру! – тревожно крикнула Нефрет. – Ко мне, на помощь, Ру! Я в ловушке, Ру!

Случилось так, что Ру находился почти тут же, за углом пирамиды. Потеряв из виду Нефрет и забеспокоившись, он направился к западному склону пирамиды, который был лучше освещен, поглядеть, не там ли Нефрет. Он услышал ее крик о помощи и бросился вперед; повернув за угол, он увидел Нефрет, лежащую на песке: вокруг нее теснилось четверо мужчин – трое обматывали ее веревками, а четвертый повязывал на лицо полотняный лоскут.

Ру яростно взревел и, подняв топор, прыгнул на них. Тот, который обвязывал Нефрет лицо, первым заметил гигантскую черную фигуру, которую он, конечно же, принял за страшного духа-хранителя здешних мест; он отпрыгнул в сторону и кинулся бежать. Но сверкнул топор, и, разрубленный надвое, он свалился замертво. Затем второй разбойник, который сначала подумал, что это ревет лев, тоже увидел Ру и на миг застыл от изумления. Но Ру, бросив топор, схватил за горло сразу двоих и, с силой стукнув их головами, отбросил злодеев в разные стороны, оба упали на песок и больше не шевельнулись. Четвертый же успел выхватить нож – то ли чтобы защититься от Ру, то ли чтобы заколоть им Нефрет; однако когда он увидел, что случилось с другими, смелость оставила его, и, завизжав от страха, он выронил из руки нож и пустился наутек. Ру подхватил нож с песка и швырнул его вслед беглецу. Страдальческий вскрик боли подтвердил, что Ру достиг цели, хотя в сгустившейся темноте он уже не мог раз-

глядеть самого беглеца. Ру хотел было броситься за ним в погоню, но Нефрет, приподнявшись с песка, крикнула ему:

– Не уходи! Останься здесь, может быть, их тут много!

– Ты права, – сказал Ру, – а этот пес свое получил.

Не говоря больше ни слова, он схватил Нефрет, прижал ее, словно малое дитя, к своей груди, придерживая левой рукой, правой подобрал топор и без промедления, даже не взглянув лишний раз на поверженных врагов, побежал вдоль западного подножия пирамиды; он не сбавил шага до тех пор, покуда они не оказались среди надгробий, где уже их никто не мог увидеть.

– Вот и пришел конец твоим забавам, госпожа, – решительно сказал Ру; он весь дрожал, но, конечно же, не от страха – он думал о том, какой опасности только что избегла царица.

– Если б не ты, все могло бы кончиться плохо, – отозвалась Нефрет. – Это для меня хороший урок, теперь я буду знать, чего мне опасаться. Опустит меня на землю, мой дорогой Ру, я уже успокоилась.

Страх и тревога охватили Кемму и общинный Совет, когда эта история была им поведена; встревожился даже мудрый Тау. Один только пророк Рои оставался спокойным.

– Никто не причинит Нефрет зла, – сказал он. – Я знаю это от тех, кто не может лгать, – вот почему я позволил ей следовать ее причуде – научиться всходить на пирамиды, ибо не следует держать ее взаперти и препятствовать ее желаниям; Нефрет должна уметь смотреть в лицо опасности и преодолевать любые препятствия. Нам же отныне надо неусыпно охранять царицу, ибо опасности еще только начинаются.

Затем Рои послал людей, чтобы они принесли трупы тех, с кем расправился Ру, по возможности отыскали раненого и захватили его живым. Этого они, однако же, сделать не смогли, потому что когда рассвело, от чужестранного злодея остались лишь кровавые пятна на песке, которые вскоре потерялись, а это значило, что раненый, превозмогая боль, стал пробираться дальше по камням, чтобы не оставлять за собой следов.

Мертвые же кое-что поведали о себе: двое были из племени гиксосов и, судя по одежде, служили при дворе царя Апеги. Третий, как видно, был у них проводником, однако, какому народу он принадлежал, определить было невозможно, ибо это на его голову обрушился топор Ру.

Тела презренных похитителей были брошены шакалам и стервятникам, дабы в них больше не могли вернуться их Ка, а души их со всеми полагающимися обрядами, в присутствии членов Общины Рои проклял, дабы из века в век не находили они упокоения. Ведь они не только нарушили соглашение, которое соблюдали многие поколения, и ступили на Священную землю Общины Зари, но и пытались похитить, а возможно, и умертвить деву, чье имя еще не было никому ведомо за пределами этой земли.

Тем история и закончилась, только теперь ни на восходе, ни на закате солнца никто не видел Нефрет на вершине пирамиды.

Немного погодя выбившийся из сил, изможденный гиксос с перевязанной спиной, то и дело харкавший кровью, как бывает, когда ранено легкое, добрался до царского дворца в Танисе; здесь его признали и отвели к большому военачальнику, который выслушал его с гневным выражением на лице, приказав записать его рассказ слово в слово. Когда писец закончил запись, начальник выбранил пришедшего за то, что тот не справился с порученным ему делом.

– Разве это моя вина? – спросил пришедший. – Разве это правильно – посылать тех, кто рожден женщиной, чтобы захватить в плен дух или колдунью? Ибо ни одна дева, если в ней течет теплая кровь, не может бегать вверх и вниз по пирамиде, выложенной гладкими блестящими плитами, так, словно это муха летает вверх-вниз по стене, а мы это видели своими глазами. Разве это справедливо – ожидать от простых людей, что они одолеют черного дьявола из преисподней, страшного великана, какого и не видел никто из живущих на этом свете, чудище, которое рычит, точно лев, а руки его крушат человеческие черепа, точно это плоды граната?

Разве справедливо – приказывать простым смертным людям ступить на Священную землю, где поселились боги, волшебники и призраки умерших? Зачем только я, глупец, слушал тебя и польстился на твои щедрые посулы; глупцами были и мои товарищи, и, верно, так сейчас себя и называют в преисподней, ибо есть ли хоть один человек в Египте, кто бы не знал, что вторгнуться в Священную землю Общины Зари – значит навлечь на себя проклятие и смерть! А теперь дай мне вознаграждение, чтобы я мог поделить деньги между моими детьми.

– Вознаграждение! – зловеще прошептал начальник. – Не будь ты ранен, не миновать бы тебе порки. Убирайся отсюда, собака!

– Куда же мне, преданному проклятью, идти? – спросил несчастный.

– Туда, куда уходят все, кто проиграл, – в преисподнюю, – отвечал начальник и подал знак слугам.

И они вышвырнули его, в ад или куда-то еще он отправился в очень скором времени. Ибо его же собственный нож, который Ру подхватил и метнул в него, был отравлен, а удар пришелся ниже плеча, и нож пронзил легкое.

Военачальник прошел в покои царя Апепи, где находились также его советники и молодой царевич Хиан, единственный наследник престола. Большой, грузный, с горбатым, как у всех гиксосов, носом и злыми черными глазками, царь гиксосов отличался бешеным нравом и был очень жесток и мстителен, как и все его соплеменники, и в то же время беспокоен и труслив.

Не таким был сын его Хиан, рожденный египтянкой, в чьих жилах текла царская кровь. Апепи взял египтянку в жены, преследуя свои государственные соображения, он по-своему любил ее и, когда она умерла, дав жизнь своему единственному дитя – Хиану, Апепи не заменил ее другой царицей, хотя в гареме его было много женщин. Хиан вырос и возмужал. Кровь отца-гиксосо не сказалась на внешности, не наложила отпечатка на его характер; это был добрый по натуре, красивый юноша с приветливым взглядом мягких черных глаз, однако сильный телом и быстрый умом, из тех, кто любит учиться и склонен к размышлениям, воин и охотник и в то же время человек, приверженный всей душой мирной жизни, правитель, мечтающий о том, чтобы залечить раны Египта и возродить его величие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.